

Харкевич Игорь

18+

Мое второе Я

Игорь Харкевич
Мое второе "Я"

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Харкевич И. Н.

Мое второе "Я" / И. Н. Харкевич — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-532-04634-4

Безбрежное космическое пространство, смертельно опасное для всего живого, и опасные противники, стремящиеся во что бы то ни стало отправить на тот свет главного героя. Только личное мужество, присутствие духа, чувство юмора да еще искусственный интеллект – его второе «Я» – могут помочь найти выход из смертельно опасных ситуаций. Может ли машина мыслить? Насколько симбиоз человека с компьютером расширит границы его возможностей, и не сотрет ли это его собственной личности? Ответы на эти и другие вопросы автор попытался дать в этой книге. Динамический, калейдоскопично меняющийся сюжет, смелость технической фантазии автора не оставят вас равнодушными до самого конца повествования.

ISBN 978-5-532-04634-4

© Харкевич И. Н., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Тесный мир людей и машин в конце прошлого века представлялся в воображении людей по-разному. Реалисты представляли насквозь компьютеризированное сообщество, с компьютерами-помощниками во всех сферах деятельности, отведя духовное начало человеку. Причем оптимисты представляли людей в образе римских патрициев, возлежащих на ложе и окруженных рабами-автоматами. Пессимисты считали, что зависимость от компьютеров станет чуть ли не наркотической. Причем и те, и другие твердо знали, что машина так машиной и останется, несмотря ни на миллиарды транзисторов, ни на изощреннейшие технологии, ни на навороченные операционные системы. Возникновение у компьютера сознания всегда считалось прерогативой фантастов. Зато результаты появления этого самого сознания, как правило, толковались несколько однобоко.

Почему-то раньше в воображении людей умные машины часто представляли в образе монстров, подчиняющих себе людей, использующих их в качестве рабочей силы, элементов питания и просто уничтожающих их как ненужный элемент. Книги и фильмы пестрели картинками машинного апокалипсиса: выжженные или урбанизированные просторы, чудовищные пластико-стальные постройки, где нет места ничему живому. Багровое солнце, тускло просвечивающее сквозь клубы дыма от автоматизированного завода, где стальные манипуляторы с лязгом клепают себе подобных. Варианты дружбы и самопожертвования рассматривались весьма тускло и неуверенно. Вернее, самопожертвование подразумевалось со стороны верного автомата, призванного холить и лелеять жизнь и благополучие любимого сапиенса. И никак не наоборот. И действительно, зачем тогда его делали?

Такие мысли лениво текли в моей голове, пока я сидел у мониторов системы наблюдения за поверхностью. В левом мониторе отражалась моя физиономия – ничего особенного, обычный человек, темноволосый, с насмешливыми искорками в прищуренных глазах и уставным туповатым выражением лица. Обычный сержант объединенных Военно-Космических сил. Специалист по системам радиоэлектронного обнаружения и защиты. Кроме того, немного медик, немного космобиолог, немного специалист по системам жизнеобеспечения, десантник и профессиональный военный. Посмотрев налево, в блестящем шкафу коммутатора я окинул взглядом свое отражение полностью: среднего роста, с хорошо развитой мускулатурой. Все-таки не зря столько времени приходится проводить в тренажерном зале. Оставшись удовлетворенным увиденным, продолжал наблюдать, как два железных паука вовсю трудятся, пробивая очередную дырку в теле нашего астероида для крепления очередной хитрой антенны. Мелкие обломки разлетались куда-то вдаль, видимо, в бесконечную вселенную, те, что покрупнее, плавно опускались рядом. Притяжение все-таки хоть небольшое, но было. Роботам было трудно, поверхность астероида – один сплошной булыжник, но, видимо, им на это было наплевать. Дали команду долбить, они и будут долбить, пока аккумуляторы не сядут. А если сядут – подзарядят сами же от солнышка или доковыляют до станции, и будут долбить дальше.

Резкий сигнал вызова прозвучал так неожиданно, что я подскочил на кресле и закувыркался над пультом. Проклиная звонящего, я наконец, дотянулся до спинки кресла и водрузил себя внутрь. Звонил, оказывается, командир базы. Пришлось придать себе максимально сосредоточенный и деловой вид и ткнуть пальцем в кнопку обратного вызова. На экране появилось вечно хмурое, одутловатое лицо и абсолютно лысая голова нашего командира.

– Сержант! Почему так долго не отвечаете? Спите на посту? Доложите обстановку!

На рычание командира я уже давно эмоционально не реагирую. Привык. Да и разнос больше для профформы. Вид-то у меня не заспанный. Да и знаю, что спать здесь нельзя. Автоматы автоматами, а человек всегда должен быть в форме. Космос все-таки.

– Никак нет, – буркнул я, – обстановка в зоне станции без изменений. Уровень излучения в норме, все системы работают нормально.

Как будто он и сам этого не знает. Если что случится, такой вой поднимется – роботы повскакивают.

– F-23 и F-28 завершают изготовление третьего отверстия под крепление мачты антенны, – добавил я на всякий случай.

– Хорошо, – морщины на лице Кэпа разгладились, – все работы на поверхности остановить, роботов в укрытие. Активировать третью и пятую батарею, уровень чувствительности – 0,5. Встречаем корабль с гаммы через шесть часов. Направление – 3-0-5. По окончании дежурства зайдешь ко мне, доложишь лично. Будет тебе еще дело.

Я растерянно посмотрел на погасший экран, потом пробежал пальцами по клавиатуре компьютера. Встреча корабля, конечно, не самое рядовое явление, но это обычный грузовик, хоть и идет с самой Гаммы, а там какая-то лаборатория, где постоянно что-то взрывается и что-то происходит. Что происходит, никто не знает, включая Кэпа – не тот уровень доступа. Но туда мы частенько отправляем ремонтных роботов, резервные запасы кислорода, оборудование и материалы для ремонта, а оттуда периодически на Землю отправляют трупы в термовакуумной упаковке. Значит грузовик везет что-то ценное, не зря такие меры предосторожности. Уровень чувствительности локаторных батарей – 0,5, это значит, что все метеориты в полмиллиметра величиной будут безжалостно уничтожены на расстоянии до 100 километров. Да еще две дополнительные батареи. Ну и фейерверк сейчас начнется! За прошедшие две недели мы тут намусорили в пространстве изрядно со своей стройкой. Пока я так размышлял, руки привычно летали над пультом управления противоракетной обороны. Кинув взгляд на мониторы, я посмотрел, как развернулась ажурная конструкция резервной лазерной батареи, разошлись в разные стороны лепестки локаторов, и у их основания замигали крошечные яркие точки. Теперь оставалось только ждать прибытия грузовика.

Командный пункт базы находился на глубине почти километра под поверхностью астероида. Наша пятидесятикилометровая бутылка – мы так называли Иду из-за характерной формы – за три года существования базы уже почти на треть была изрыта туннелями и переходами. У специалистов базы даже стали возникать вполне закономерные подозрения, а не изменятся ли параметры орбиты Иды из-за нарушения центра масс. Теперь уже почти полгода, кстати, когда я только прибыл на службу на этот булыжник, весь вывороченный и нерасплавленный грунт складировался аккуратненькими кучками, в строго отведенных компьютером местах. Но я не думаю, что масса астероида сильно пострадала. Взамен вывороченного грунта мы сюда понапатачили столько всякого барахла – начиная от пластиковых тарелок и заканчивая станинами горных роботов, что астероид этого даже и не заметил.

Сейчас здесь крупная перевалочная база. Запасы всего, чего только можно, плюс мощная станция радарного контроля и самое главное – запасы обогащенного дейтерия. Правда, храним мы его рядышком, на Дактиле – это спутник Иды, – еще один километровый булыжник, который вращается по удобной стокилометровой орбите. Никто не в восторге от такого соседства, но Земле виднее, где хранить термоядерную взрывчатку. Да и спецы говорят, что взорвать дейтерий проблематично.

Может, оно и так, им виднее. Но с другой стороны, сюда за топливом постоянно прилетают корабли. А это новые лица, новые знакомства, новости. Жизнь здесь не отличается разнообразием. Из ста пятидесяти человек населения базы почти сто из состава объединенных военно-космических сил. Остальные – гражданские ученые и специалисты, из них восемь женщин, из которых пять – жены ученых, оставшиеся три... в общем, знакомится с ними нет никакого смысла. Из развлечений – тренажерный зал и компьютеры. Причем тренажерный зал не развлечение, а насущная необходимость. Так как притяжение Иды чисто символическое, то после полугода невесомости мышцы настолько атрофируются, что прилетать на любую планету опасно для здоровья – ходить надо учиться заново. Для нас, военных, посещение тренажерных залов обязательно – Кэп следит за этим строго. Ленивые и новички быстро усвоили, что лучше честно прогнать обязательную программу в семь потов, чем потом в семьдесят семь, но в виде дисциплинарного взыскания. А Кэп узнает обязательно – у него в зале видеонаблю-

дение и компьютерный контроль нагрузок – не спрячешься и не смухлюешь, а смухлюешь – отработаешь десятикратную программу под личным присмотром офицера.

Так что армия, как армия, я за десять лет привык. У нас было так же еще до создания объединенных космических сил и появления проекта освоения пояса астероидов и ближайших планет. А вот гражданских заставить сложно, особенно если какой-то маститый ученый или крупный спец по каким-нибудь элементарным частицам. Прилетал тут к нам один астрофизик, Шкловский, кажется, его фамилия, тоже русский, как и я, разговорились с ним в столовой. Рассказывал, что на Матильде новый радиотелескоп монтируют, она вращается медленно – один оборот почти за две недели, для них это удобно. Так он уже шесть лет в космосе и еще ни разу даже на Церере не был. Говорит, что для него путь на Землю уже закрыт. Организм силы тяжести не выдержит. Но не сильно он расстраивался, было видно, что влюблен человек в свой телескоп, и ничего ему, кроме сигналов с других звезд, не надо. Кстати, это именно он рассказывал, что не зря все-таки гарнизон ОКС на Иде держат. Официально наша главная задача – регистрация всех астероидов Пояса, расчет их орбит и отслеживание местоположения, для этого и существует система радарного контроля из восемнадцати станций. И ракетные, лазерные и кинетические установки для корректировки орбит угрожающих астероидов. Правда, в мою бытность крупных операций не проводилось. Расчистка мусора перед прибывающим кораблем, как сегодня – не в счет. Но Шкловский прозрачно намекал, что все-таки в нашей системе что-то непонятное происходит. Выходящее за рамки нормальных физических законов. И орбиты астероидов, бывает, меняются без видимых причин, и корабли пропадают с радаров, да еще много чего загадочного. Хотя можно все объяснить нормальным ходом событий: астероиды могут раскалываться, сталкиваться, компьютеры могут давать сбои, корабли взрываться – это объяснимо и допустимо. Видимо, человеку надо находить в обычном мире загадки. Не для того, чтобы их решать, а для того, чтобы они просто существовали, будоражили воображение, не давали спать разуму. Без загадочного и непонятного жизнь может стать скучной и пресной, а для увлеченного своей работой специалиста это конец творческой жизни. А с другой стороны, космос есть космос. Никогда мы его до конца не постигнем и не изучим. Всегда останутся загадки и вопросы, на которые нужно находить ответы, которые будут создавать новые вопросы, и так до бесконечности.

До смены дежурства оставалось еще шесть минут, а вернее, почти пятнадцать, если Макс опять опоздает.

Макс опаздывал всегда. Было у него такое свойство. Это чудо назначили ко мне во взвод три месяца назад. Рассеянный и несобранный, он, тем не менее, был первоклассным специалистом по РЛС. У него всегда все работало. В его присутствии антенны ВСЕГДА раскрывались и сворачивались, метеориты их облетали стороной, сигналы всегда приходили четкие, без искажений и шумов. Никогда ничего не зависало и не замыкало, если он не забывал аппаратуру просто включить. Он помнил наизусть последовательность сотен тестовых программ, но забывал бриться и причесываться. Взыскания от Кэпа получали оба, так как он был моим подчиненным. Первый месяц я с ним боролся, воспитывал и убеждал. Второй месяц наказывал. Макс честно отработывал свое на тренажерах, делал виноватый вид, но не менялся. Когда после шести часов изнурительных упражнений, весь взмокший, тяжело дыша, он меня спросил, почему в космосе температура близка к абсолютному нулю, а мы на базе не знаем, куда девать тепло, я сдался и решил принимать его недостатки, как неизбежное зло. Через две недели, видимо, так решил и Кэп.

Неожиданно двери откатились, и в проеме появился Макс. Чисто выбритый, причесанный и отглаженный. У меня даже челюсть отвисла. Сегодня явно день сюрпризов.

– Максимка, что произошло? Вспышка на солнце, прилет братьев по разуму, или вообще фантастический вариант – мое воспитание не прошло даром?

– Да нет, – Макс не обратил на шпильку особого внимания, – ты что, не знаешь о прилете корабля? Сам же салют вокруг станции устроил.

– Знаю. Но при чем здесь грузовик и то, что ты пришел на пять минут раньше положенного времени, да еще и побритый.

Макс сделал хитрый вид.

– Значит, ты не в курсе, кто на корабле.

– Нет.

– Слышал о сумасшедшем профессоре Шкловском?

– Да, я его знаю. Правда, мне он показался нормальным. Станным, но нормальным.

– Он известнейший астрофизик. Принимал и расшифровывал передачи давным-давно умерших цивилизаций. Сделал кучу открытий.

– Ты из-за него принарядился?

– А с ним дочка, кстати, победительница конкурса «Мисс Вселенная» на Церере.

– Она, наверное, тоже ходить не умеет.

– Да нет, она родилась на Земле, окончила университет и решила слетать в гости к папочке, а попутно победила в конкурсе красоты. Кстати, этот корабль – его личный. Видимо, правительство высоко ценит его заслуги.

– Так ты хочешь ей понравиться. А захочет ли она вообще с тобой разговаривать? Знаешь, как правило, разбалованные профессорские дочери весьма своенравные и вредные.

Макс закрутил. Мне стало его немного жаль.

– Так ты решил, что через шесть часов ты сменишься, а корабль уже только-только пристыкуется. А времени на марафет не останется. Логично, – усмехнулся я.

– Ну да. Я не знаю, у нее действительно, наверное, в парнях отбоя нет.

– Для того, чтобы понравиться девушке, на нее при первой встрече надо произвести впечатление. Ты, Макс, парень, конечно, неплохой. Но для того, чтобы узнать тебя поближе, надо время. А времени очень мало.

– Я знаю, три-четыре часа.

– А как ты вообще собираешься с ней встретиться? База большая. Будешь караулить в первом секторе?

– Ну, скорее всего, они разместятся либо у командира, либо в гостиничном секторе, а там рядом бар. Она наверняка захочет выпить сока. Подожду в баре.

– Ну, хорошо. Дождешься ты ее в баре. Дальше что?

– Подойду, познакомлюсь.

Я окинул взглядом фигуру Макса. Типичный ботаник, очков только не хватает. Я представил себе, как он в баре подходит к разбалованной фотомодели и пытается познакомиться, и мне стало не по себе.

– Послушай, дружище, ты когда-нибудь знакомился с девушками в баре?

– Пока нет.

– Жаль. Значит, опыта у тебя маловато. А она проходила через такую процедуру знакомства, видимо, уже десятки раз. И, наверное, уже научилась посылать навязчивых поклонников за дальнюю орбиту. Ты можешь оказаться одним из них.

– Я знаю, Глеб. Так что мне делать?

Я на секунду задумался.

– Надо сделать так, чтобы не было альтернативы.

– Как? База большая.

– Ладно, не вешай нос, Шкловский русский, его дочь тоже. При любом раскладе соотечественники ей ближе. Шансов на общение больше. Русских здесь пятеро, из них двоих сразу отбрасываем, остаешься ты, я и Стас. Я через месяц улечу в отпуск на Землю, поэтому могу

подождать, а для Стаса придумаем срочный аварийный выход на поверхность для осмотра антенны, хоть это и по-свински. Все равно третью антенну надо проверить, юстировка сбилась.

– Спасибо, Глеб.

На меня смотрели два больших, настолько по-детски доверчиво раскрытых глаза, что в груди у меня екнуло и стало не по себе. Потом на лицо Макса набежала тень.

– На поверхности сейчас пять батарей работают.

Я разозлился. И из-за еканья в груди, и из-за тупости Макса.

– Придурок! Не забудь после пристыковки корабля перевести вооружение в дежурный режим, а то точно все забудешь и Стаса поджаришь.

– Есть, да, я понял.

Вид у Макса стал виноватый, но глаза все равно сияли.

Хотя мы оба прекрасно знали, что на поверхность в этих условиях система безопасности просто никого не выпустит.

Окинув напоследок взглядом пульты управления, я направился к командиру.

В каюте у Кэпа была почти домашняя обстановка. После скучных светло-серых панелей остальных помещений базы коричневые стены, имитирующие дубовые панели, приятно радовали глаз. Большой экран с видом маленькой речки и фотографии молодой женщины на стене и двоих детей. Мы все знали, что это его жена и дети, но личная жизнь командира была неизвестной. Он никому не рассказывал, а расспрашивать было не принято. Письма и передачи приходили на его имя только служебные. В курсе всех личных дел был только психолог базы, но он молчал, свято храня служебные тайны.

Получив разрешение и войдя, вернее, впорхнув в каюту, я принял подобие строевой стойки и доложил о прибытии.

Кэп сидел за большим черным столом и общался с компьютером. Компьютер высвечивал над столом какие-то графики и диаграммы, разобраться в которых мог только он сам. Блики от диаграмм блестели на лысине и на звездочках погон. Как обычно, одет он был по всей форме, подчеркивая военную направленность существования нашей базы, хотя мог бы ходить в простом и более удобном комбинезоне.

Командир поднял на меня глаза, махнул рукой над столом, и все изображение втянулось в нить и пропало.

– Проходи, сержант.

Я проплыл поближе к столу, зафиксировал себя у поручня и превратился весь во внимание.

– У тебя очередной отпуск через месяц, так?

– Так точно.

– Значит, сделаем так. Через несколько часов сюда прилетает корабль профессора Шкловского для дозаправки. Профессор летит к Земле, на станцию Интел, там его встретят. Судя по всему, он везет с собой нечто ценное – какую-то разработку. Нас попросили сопроводить профессора до Земли. Причем профессор сам связался с нами и попросил человека, которому он доверяет. Не знаю почему, но он остановился на твоей кандидатуре. Вы с ним знакомы?

– Немного, как-то раз встречались и разговаривали.

– Ну и хорошо. Тем более у него сейчас проблемы со здоровьем, а у тебя есть медицинское образование. На земле отдыхаешь три месяца, по окончании отпуска возвращаешься с транспортным кораблем. Каким – доведу дополнительно. Через пять с половиной часов, по прибытии корабля, зайдешь ко мне, я представлю тебя профессору, и получишь дальнейшие указания. Все. Вопросы?

– Никак нет.

– Да, и еще одно. С профессором летит его дочь. Поэтому, даже при самом незначительном намеке на неподобающее поведение, можешь, не возвращаясь из отпуска, подыскивать себе место на Аляске. Это понятно?

– Так точно!

– Свободен.

* * *

Хорошо, что на астероиде много льда. По крайней мере, иногда можно пить просто очищенную воду, а не после стократной перегонки. У нее почему-то всегда неприятный металлический привкус. И вкус кофе портится не очень сильно. Я сидел за столиком в столовой, потихонечку отхлебывал дежурный кофе, когда ко мне подсел Стас.

– Привет, уже сменился с дежурства?

У Стаса была привычка громко комментировать общеизвестные факты.

– Нет, у меня пульт в кармане, а мониторы в чашке с кофе, – пробормотал я.

Стас громко расхохотался. Я почему-то его недолюбливал. В целом, он был весьма представительный, высокий, светлый, прибалтийской внешности. Из тех, от кого сходят с ума девочки. Но была у меня к нему какая-то неприязнь, наверное, из-за навязчиво-показной веселости. Хотя я старался относиться ровно и без предвзятости.

– Кстати, я и сам хотел тебя разыскать, но раз уж ты сам пожаловал, тогда слушай, – я на секунду замолчал, – у третьей антенны ослабло крепление, после стыковки корабля выйдешь на поверхность, осмотришь. Если надо, заменишь узел.

Стас сделал недовольное лицо. Лезть на поверхность ему не хотелось. Формально он мне не подчинялся. Мы были в одном звании, примерно равны по возрасту. Я – командир взвода РЛС, он – старший техник по обслуживанию лазерных батарей. Но за радиолокационную безопасность базы отвечал я, а за техническое состояние оборудования на поверхности – он, поэтому я с чистой совестью мог послать его наверх, ковыряться в системах крепления.

– Слушай, Глеб, почему бы тебе самому для разнообразия не слазить в открытый космос и не подергать, кстати, твои же антенны?

– Не выйдет. Меня через пару часов ждет Кэп. Когда прилетит корабль, он меня будет представлять профессору.

– Какому профессору?

– Ты не в курсе?

– Нет, я только из спортзала, не успел узнать последние новости. Так зачем ты нужен какому-то профессору?

– Сюда прилетает профессор Шкловский, астрофизик, вместе с дочкой. Они хотят, чтобы я сопроводил их до Земли, а заодно у меня отпуск. Так что если я и выйду на поверхность, то только для того, чтобы поваляться на пляже под солнышком.

У Стаса лицо вытянулось и стало напоминать переспевший огурец.

– Твою мать! Говоришь, профессор Шкловский с дочкой, с Адой? И ты еще гонишь меня на поверхность?

– Подожди. Вы что, с ним знакомы?

Сегодня явно день сюрпризов.

– С ним нет, а с Адой Шкловской мы почти три месяца на Земле занимались рукопашным боем. Она ходила ко мне в секцию, а потом ей, видимо, надоело. Своенравная девочка. Хотя умеет добиваться, чего хочет. Она же недавно прилетела на Цереру и тут же победила в конкурсе красоты. Не думал я, что она заглянет к нам на базу. Говоришь, летят на Землю, а ты с ними? Счастливчик.

– Это решил командир, – про решение профессора я решил не упоминать, – у меня все равно отпуск, а так долечу с комфортом, а не на грузовике.

– А зачем вообще их сопровождать? Дорогу будешь показывать, чтоб с пути не сбились?

– Откуда я знаю? Но если что будет не так, мне на базе уже показываться нельзя. Кэп меня без корабля назад отправит.

– Смотри, она девочка своеобразная. Если чего захочет, не отступит. Не знаю, позавидовать тебе или посочувствовать.

– Это мои проблемы, – огрызнулся я, – как-нибудь справлюсь. А на поверхность тебе все равно лезть придется.

– Слушай, Глеб, будь человеком. Антенна никуда не денется. А знакомые девушки сюда не каждый день прилетают.

Шансы Макса на знакомство при таком раскладе стремительно таяли. И я мало чем мог ему помочь, разве что предоставить небольшой шанс.

– Значит, так. Ты успеешь и антенну проверить, и со знакомой поболтать. Заправка и проверка корабля – три-четыре часа. Выскакиваешь на поверхность, диагностируешь крепление – и назад. Если видимых повреждений нет, отрегулируешь натяжение тросов – и все; юстировку проведем потом, не горит. А если крепление вырвало, придется менять. Тогда мы все полезем на поверхность вместе с роботами.

– Ладно, но все равно это не по-человечески.

Ты, кажется, в армии служишь, и безопасность базы – это главная задача, сам знаешь.

Стас грустно посмотрел на остывший кофе. Но, видимо, морально уже смирился со своей участью. Тем более знал, что уговаривать меня бесполезно.

– Командир сам пойдет встречать корабль?

– Наверное, гости-то необычные.

– Слушай, а как ты узнал, кто прилетает? В передачах – то не было ни слова – у меня компьютер в фоне на новости завязан.

– Кэп сказал, он с профессором общался, а потом меня к себе вызвал.

– Тогда понятно.

Мы еще немного посидели, выпили еще по чашке дерьмового кофе, посплетничали про командование, но к теме профессора и его дочери больше не возвращались. Полчаса спустя Стас ушел готовить вакуумное оборудование для выхода на поверхность, а я сидел в одиночестве в сером зале, рассчитанном на пятьдесят человек, рассматривал высокий сводчатый потолок. На большом экране справа от моего столика громадные волны беззвучно разбивались о серые скалы. Наши психологи считали, что картины родной планеты будут благотворно действовать на психологическую обстановку в замкнутом коллективе. Действительно, первое время несколько десятков различных видеофрагментов действительно оживляли наши обеды и завтраки, потом приелись, потом начали раздражать. Теперь на них уже никто не обращает внимание. Тут я со всей ясностью представил, как я сам в самом скором времени смогу сидеть на таком берегу, повернулся к экрану и впился в него глазами. Совсем скоро, через каких-нибудь две недели полета, я Сам смогу ощутить под руками скользкий, мокрый и холодный камень, вдохнуть соленые брызги океана, наполнить грудь упругим ветром, услышать крики чаек и обнять восходящее солнце. Я только сейчас почувствовал, как сильно на самом деле я хочу на Землю.

Я спустился на два уровня вниз, в жилой отсек. Приложил ладонь к датчику, чтобы он смог считать информацию с чипа, и дверь откатилась в сторону. В моей камере все было как прежде. Аккуратно заправленный и застегнутый спальный мешок, два монитора высвечивали дежурную заставку, мелкие безделушки лежали на полке, сложенная одежда покоилась на стеллажах. Но чемоданное настроение уже витало в воздухе. Я провел рукой над монитором, посмотрел на время. До прилета корабля оставалось еще два с половиной часа. Сложив нехитрые пожитки в сумку, я огляделся по сторонам. Вроде делать было пока больше нечего. Прицепившись эластичными ремнями за кронштейн в центре комнаты, несколько раз с наслаждением подтянулся, потом крутанулся в воздухе, оттолкнувшись от потолка, ухватился за

перекладину и стал на руках отжиматься, пока мышцы не загудели и не налились тяжестью; перецепил ремни и стал, как мячик, прыгать от стены к стене, пытаясь попасть в нарисованные круги. Попал восемь раз. Но мне больше никогда и не удавалось. После этого, удовлетворенный, забрался в душевую кабинку. Только там, стоя под горячими струями воды, попытался немного собраться с мыслями и переварить события прошедшего дня. Я тоже не мог понять, зачем нужно кого-то сопровождать в открытом космосе, что за непонятная и таинственная история. На базах и станциях есть своя система охраны. Да и вообще в космосе практически одни военные. Никаких врагов и пиратов отродясь не было, да и не может быть в принципе. Воюем мы только с летающими камнями различного размера. Я десантник, но при падении в космосе от ракет и лазеров не спасу никак, а превращусь в бифштекс вместе с профессором. Единственное объяснение – дочурке с папой скучно. Придется ее развлекать. А это значит – ходить по лезвию бритвы. Неизвестно, кто она такая. Ну да ладно. На месте разберемся, не впервой попадать в критические ситуации. Зато впереди целых три месяца отпуска. Свое наверстать всегда успею.

Выйдя из душевой капсулы, присел к терминалу станционного компьютера и стал просматривать новости за прошедшие сутки. Как обычно, на мой взгляд, ничего особенно интересного не произошло. Крупное месторождение редкоземельных металлов на Церере. Уже начата промышленная разработка. На экране промелькнули ажурные стальные конструкции, почти невидимые за клубами пыли. Авария на Марсе. Взорвался кислородный завод, есть погибшие и раненые. На экране промелькнули очень похожие стальные конструкции, но искореженные, почти невидимые в дыму. Проект «Гермес» перешел в финальную стадию. На фоне Красного пятна Юпитера медленно проплывал громадный звездолет. Камера была установлена на автономном спутнике, или грузовом модуле, поэтому «Гермес», как громадный кит, медленно вращался, демонстрируя колоссальное кольцо из термоядерных двигателей. А все остальное тело корабля – топливные баки с обогащенным дейтерием – уже сдвинулись за кадр. Я послушал голос комментатора и присвистнул. Такого количества топлива хватило бы на десятилетие для всего флота Солнечной системы, да еще осталось бы про запас. По техническим данным, теоретически эта штука может разогнаться до 98 % световой скорости, – хватило бы топлива и времени на разгон. Но разогнаться придется долго. Экипаж успеет состариться, пока вернется на Землю. А мы все к этому времени умрем. Если верить старику Эйнштейну. У этого звездного монстра свои атмосферные заводы, которые добывают дейтерий и тритий прямо из атмосферы Юпитера и транспортируют на борт. И процесс уже завершен. Испытательный старт, правда, с отсоединенными баками запланирован на следующую неделю.

Я быстренько прочелкал другие сообщения. Новости искусства и спорта меня не заинтересовали. Радиационная обстановка в норме. Основные траектории метеорных потоков я выучил почти наизусть еще во время дежурства. А вот о профессоре Шкловском – ни слова. Пришлось искать целенаправленно в базе данных. После секундного размышления комп выдал десяток ссылок. Итак, посмотрим, что здесь у нас есть.

Экран мигнул и показал краткую автобиографию профессора с приложением фотографий, видеороликов различных ученых конгрессов, списки опубликованных работ, и все. Ни слова о личной жизни, семейном положении и так далее. Из такой информации много не вытянешь. Я просмотрел списки последних трудов профессора. В основном, это касалось астрофизики. Тем, мне малознакомых и совсем неинтересных. Со вздохом я взлетел над креслом. Если бы у меня здесь был нормальный компьютер, подключенный к общей информационной сети Системы, да еще с электроионным монитором, как у Кэпа, можно было бы узнать гораздо больше. Но и на том спасибо.

На часах пикнул таймер. Я глянул на часы. До назначенного командиром времени оставалось пятнадцать минут, и я направился в командный центр. По пути достал телефон и вызвал дежурного. На экране появилась вечно недовольная физиономия Стейга Яна.

– Слушаю, оперативный дежурный, – по привычке ответил он, пока его взгляд фокусировался на моем лице, – да, Глеб. Чего тебе?

– Где командир?

– Последний раз выходил на меня из причального модуля, наверное, уже там, корабль встречает. А зачем тебе?

– Надо, – я отключил связь и направился к торцу астероида, где были смонтированы причальные модули, склады, технические помещения и ангары для техники. До торца было почти три километра, так что вручную доползти я уже не успевал, поэтому я добрал до ближайшего канала пневмолифта, глянул на табло безопасности – путь был свободен – и через диафрагму нырнул внутрь гладкой на этом уровне желтой трубы. Бешеный поток ветра тут же подхватил меня и помчал, как муху в пылесосе. Цвета разных уровней замелькали перед глазами. Тусклые плафоны освещения шахты лифта слились в одну ярко-желтую полосу. Хотя я этим транспортом пользовался часто, и опыт был, но все-таки парочку синяков на выражах заработал. Почему не сделали эти трассы прямыми? Наверное, у проектировщиков базы была большая фантазия, или решили разнообразить наш быт – чтобы не было скучно. Последний синяк я набил на локте, тормозя у эластичной сетки первого уровня. Вообще-то я обычно пользовался пассажирскими линиями, а грузовая срочной доставки – в особых случаях, как сейчас, когда опаздывал. Ругаясь и пытаясь отцепиться от сетки под мощным напором ветра, я услышал далекий гул – что-то послали по шахте. Я похолодел и еще сильнее завертелся в сетке, пытаясь освободиться. Гул нарастал. Теперь я уже больше напоминал караса в сетях. В последний момент мне удалось вывернуть руку из резиновых объятий сети, сильным судорожным рывком я послал свое тело в нишу под выходной диафрагмой, прижался к стене и замер. А в ответ – тишина. Осторожно выглянув из укрытия, я увидел, как одним уровнем выше массивный круглый контейнер в амортизационной сетке отправляется через соседнюю диафрагму на склад. Посылка предназначалась не мне. Я выругался и полез через свою диафрагму наружу, навсегда зарекаюсь пользоваться грузовыми лифтами. Правда, зарекался я каждый раз при возвращении, но все равно почему-то лез, как и большинство солдат на базе. Кстати, командиры об этом знали и пользоваться грузовыми лифтами запрещали. Но пока еще никого не наказали. Наверное, пока никого не убило.

Даже если бы я очень сильно постарался, то все равно не смог бы выбрать лучшего момента для выхода из трубы. В помещении модуля было пять человек. Два оператора стыковки, командир, который пожимал руку выходящему из шлюза профессору, и высокая девушка, выглядывающая из-за его плеча.

На шум моего падения из диафрагмы обернулась вся команда. Вид у меня после транспортировки в ураганной трубе и битвы с резиновой сеткой был что надо. Весь всклокоченный и измятый, я напоминал чертика, выскочившего из табакерки. Техники ухмылялись, Кэп нахмурился, профессор и его дочь выглядели испуганными. Первым опомнился Кэп.

– Профессор, позвольте представить Вам сержанта Быстрова, вашего сопровождающего. Ему было указано прибыть ко мне в каюту, но сержант прибыл встретить Вас лично.

Профессор окинул меня взглядом. Взгляд был быстрым и цепким, как будто он с самого начала знал меня, как облупленного, и теперь решил удостовериться, все ли на месте. Мне почему-то стало не по себе.

– Очень рад, сержант, Вы всегда появляетесь так эффектно?

– Нет, профессор, только когда спешу.

– То есть, если я правильно понял, Вы опаздываете, не выполняете приказы, действуете самовольно и, как я вижу, для прогулок пользуетесь грузовой линией транспортировки. Здесь это разрешено? Профессор посмотрел на командира.

Кэп нахмурился.

– Нет, как и везде, это запрещено, но видите ли, по некоторым причинам психологического свойства командование не слишком строго наказывает провинившихся.

Я стоял, как дурак, и не знал, что сказать. Оправдываться было бы глупо. Доказывать свою правоту тем более.

– Молодой человек, подойдите поближе и скажите, как Вас зовут?

– Сержант Быстров. Подходить я не стал, просто перехватил поручни, оказавшись на метр ближе, и потихонечку начал злиться. – А Вы, если не ошибаюсь, профессор Александр Сергеевич Шкловский, которому нужен сопровождающий на Землю?

Профессор еще раз внимательно окинул меня взглядом.

– Верно.

– Папа, перестань!

Из-за плеча профессора выплыло воздушное создание с огромными изумрудными глазами и ореолом света вокруг головы. Снежно-белые волосы, медленно танцуя, опускались на плечи, освещаемые ярким светом переходного шлюза. (Интересно, как она запикивает их в скафандр?). Правда, на них с профессором были не скафандры, а ярко-синие комбинезоны. На профессоре мешковатый, на ней... она явно при выборе комбеза ошиблась размера на два в меньшую сторону.

– Привет! Я Ада.– Она протянула мне узенькую ладошку. Я ее пожал. Она тут же ухватилась за нее и моментально оказалась висящей на соседнем поручне. Оказывается, она прекрасно дружила с низкой гравитацией.

– Я Где...

– Слушай, а это опасно – летать по грузовым шахтам? Я еще никогда не пробовала. Там скорость высокая? Наверно настоящий ураган? На Церере такого нет, на Земле тем более. Слишком большая гравитация. А здесь в самый раз. А можно мне попробовать?

Она оглянулась на отца и командира.

– Нет.

– Нет!

Взгляд переместился на меня.

– Нет.

Хотя за такой взгляд я готов был месяц катать ее по всем шахтам в мире, на ходу отлавливая и разбрасывая контейнеры, чтобы случайно прическу не попортили.

– Сержант! За пользование грузовой линией объявляю Вам замечание. В следующий раз получите сутки ареста и денежный штраф.

– Есть.

Настроение у меня окончательно упало.

Ада поджала губки, но решила, видимо, тоже не нарываться.

Профессор повернулся к Кэпу.

– Командир, мы можем побеседовать? –

– Конечно, пройдемте ко мне в каюту.

– Одну минуту. Я бы хотел не задерживать отлет. Если возможно, в течение получаса.

– Возможно, но это время займет только замена топливных элементов. На тестирование систем и обслуживание систем жизнеобеспечения времени не останется. Ни одна инструкция не позволит мне разрешить старт ранее двух часов.

– Корабль в порядке. Тестирование проводилось сутки назад. Остальное не требуется, только замена топливных элементов. Корабль мой личный, административно я Вам не подчиняюсь. Потому попросил бы максимально ускорить время старта.

Кэп нахмурился. Я-то знал, что на командира давить нельзя. Здесь, на базе, он единственный начальник. Царь и Бог. Контролирующий все, все знающий и за все отвечающий. Ответ не заставил себя ждать, как я и предполагал.

– Профессор, позвольте Вам напомнить, что Вы находитесь на военной базе и подчиняетесь ее законам и правилам. Вы стартуете, как только будет готов корабль. Смею Вас заверить, что задержек не будет.

Профессор нахохлился и стал напоминать возмущенную птицу, но, видно, сообразил, что настаивать нет смысла.

– Хорошо, так мы можем побеседовать?

– Конечно же, пройдемте ко мне в каюту.

Профессор обернулся к дочери.

– Ада, ты, если хочешь, можешь осмотреть базу, только всегда оставайся на связи и будь готова к немедленному старту.

– Хорошо, папа.

– Сержант, проводите девушку, устройте экскурсию до второго уровня.

– Есть.

Профессор и командир скрылись за отодвинувшейся перегородкой, а я остался один на один с воздушной дочкой профессора, которая уже висела в двух метрах от меня и сосредоточенно рассматривала информационный дисплей грузовой шахты.

– Послушай, сержант, а эти зеленые символы – грузы, которые пересылаются по шахте?

– Во-первых, меня зовут Глеб. Во-вторых, в грузовую шахту ты не полезешь. Я взглянул на дисплей. В настоящий момент в шахте находятся четыре контейнера, массой от пятисот килограммов до полутора тонн. Скорость у самого тяжелого – почти полсотни метров в секунду. Если ты влезешь в шахту и не успеешь разогнаться, от тебя останется только окровавленный комбинезон и выпученные глаза. Это достаточно понятно?

– Понятно. Она тряхнула головой, отчего белоснежная грива волос взметнулась и стала ореолом, медленно и равномерно опадать вокруг головы.

Она смущенно улыбнулась и небрежным жестом собрала волосы в пучок на затылке.

– Глеб, ты, кажется, собирался показать мне вашу базу. Что здесь есть интересного?

– Смотря что тебя интересует.

Мы незаметно сразу стали на «ты». Мне нравилась горячая непосредственность этой девочки, ее энергия и любознательность, привлекательная внешность, хотя я всегда относился с предубеждением к блондинкам. А может, просто играли свою роль горящие гормоны, но я уже утратил бдительность.

– Слушай, мне страшно мешают волосы, а заколку я оставила в корабле. Здесь можно раздобыть какую-то резинку?

Я задумался.

– Сейчас что-нибудь придумаем.

Повернувшись к техникам, которые с интересом рассматривали нашу парочку, я оттолкнулся и подплыл к инструментальной консоли.

– Ребята, у вас в инструментах есть какая-нибудь резинка?

Посмотрев на расплывающиеся в глупых улыбках лица, я понял, что сморозил явную глупость.

– Идиоты! Заколка для волос нужна!

– Зажим для кабеля среднего диаметра подойдет?

– Давай.

Один из них начал рыться в инструментальном барахле.

– Оп-па!

– По моему, резинка тебе уже не нужна! – Это сказал второй.

Я резко обернулся и успел заметить только зарастающую диафрагму люка.

Девочка все-таки решила поступить по-своему и отправилась в путешествие по грузовой шахте.

– Черт побери!

– Блокируй шахту, останови грузы. Объяви тревогу. – Я рывкнул ближайшему технику уже в прыжке к диафрагме.

– С этого пульта не могу, только с центрального.

– Свяжись с центральным! Тревога!

– Есть.

Уже в полете я пробил еще не заросшую диафрагму и влетел в тоннель шахты. В ушах заложило от резкого перепада давления, сгруппироваться я не успел, и ураган рывком рванул меня в пустоту. В голове билась одна мысль: «Успеть. Перехватить». Несколько раз меня хорошенько приложило об стены тоннеля, один раз даже головой, да так, что из глаз посыпались искры. Сейчас я больше всего напоминал мячик в пылесосе. Но обретенные навыки не дали пропасть. Сгруппировавшись и стабилизировав положение тела, я стал всматриваться вперед. Остановиться у страховочной сетки она сама вряд ли сможет. Значит, будет лететь по прямой, я за ней следом до ближайшей активированной сети. Самое главное, чтобы не было контейнера, который должен тормозить у этой самой сети. Освещение в шахте было, но очень скверное – небольшие лампы через каждые двадцать метров. Сейчас они сливались в сплошной пунктир огней. Одно радует – скорость сравнялась, и если вдруг что-то не вылезет впереди, непосредственной опасности нет. Где же эта несносная девчонка? И тут я ее увидел. На долю секунды заметил яркий голубой комбинезон и бьющиеся в урагане волосы. Она повисла на страховочной сетке, весело улыбнулась и даже умудрилась махнуть мне ручкой. В порыве злости и отчаянья я попытался ухватиться за край сети, но рука соскользнула, и меня поволокло дальше.

Резко выгнувшись, я обернулся назад.

– Выходи в диафрагму!

Не знаю, слышала ли она меня из-за рева урагана, но махнула рукой... и прыгнула следом за мной. Я от отчаянья закричал зубами. Маленькая фигурка, удивительно плотно сгруппировавшись, двигалась уже с почти моей скоростью. Сжав зубы, я раскинул руки и ноги в стороны, уперся в стены тоннеля, сдирая кожу с ладоней, попытался тормозить. Но с таким же успехом я мог бы пытаться остановить торнадо. Правда, скорость немного упала, и Ада стала приближаться. Во что бы то ни стало надо ее поймать! Я посильнее уперся ногами и руками в стены, напоминая большого паука. От рукавов остались уже одни лохмотья, кожа слезла на локтях, причиняя нестерпимую боль. Но скорость стала уменьшаться, и вскоре я сумел разглядеть даже широко раскрытые виноватые глаза. И тут в тоннеле заухал сигнал тревоги, вспыхнул яркий свет, рев урагана стал понемногу стихать, и со всех сторон защелкали раскрывающиеся страховочные сети. Наконец-то. Что-то долго они там возились! Теперь уже можно было не использовать свое тело в качестве тормозной накладкой, я расслабился и влетел спиной в мягкую эластичную сеть. Она долго-долго растягивалась, гася скорость, потом остановилась и начала обратное движение. Теперь Ада летела прямо в мои объятия, причем на бешеной скорости. Когда она сообразила, что столкновение неминуемо, глаза ее еще больше расширились, она затрепыхалась и запаниковала, ветер еще больше закрутил тело, и тут мы столкнулись. Каким-то чудом я сумел извернуться, и удар пришелся по касательной, но все равно у меня потемнело в глазах, кроме того, меня еще раз приложило головой к стенке тоннеля. Сеть растянулась еще раз, и на обратном пути, я, уже особо не церемонясь, сгреб девчонку в охапку и просто швырнул в пролетающую мимо диафрагму переходного шлюза. Затем подтянулся на сети и вывалился сам.

После ураганного рева трубы тишина стояла просто ватная. Ада сидела в уголке, сжавшись в комочек, и испуганно глядела на меня. Видимо, поняла, что ничего хорошего от меня ждать уже не придется. Причем здесь я был с ней полностью согласен.

– Идиотка! Жить надоело! Если хочешь на тот свет, ты перепутала шлюзы, в следующий раз выходи в открытый космос, только я с тобой не полезу. Какого черта ты поперлась в шахту?

– Не кричи, – она взглянула исподлобья мне в глаза. – Там было безопасно, я посмотрела график движения контейнеров, они останавливались выше, на пятом и седьмом уровнях, а мы были на первом, путь впереди был свободен.

Она видела, что бить я ее не собираюсь, и потихоньку смелела.

– Тебе запретили!

– Ну и что! Там же было безопасно. Вы все этим пользуетесь, хоть это и запрещено. Но ведь десантники плюют на запреты.

Вот так.

Я устало откинулся назад и опустил на пол. Все тело саднило, ладони и локти горели, голова гудела.

– Дура, – устало повторил я. После нервного перенапряжения наступала апатия. – Грузовая линия кольцевая, в ней поддерживается постоянное давление подпора. Грузопоток не останавливается, кроме экстраординарных случаев вроде сегодняшнего. Если бы перед нами в шахту вставили контейнер и он бы не успел набрать скорость, нас бы размазало, как букашек, понимаешь?

– У тебя кровь.

Я покосился на разорванный рукав. Алые капельки крови собирались в небольшую сферу, которая частично уже пропитала рукав и собиралась оторваться и поплыть на пол. На второй руке картина была такая же, только кровь уже скатилась вниз и, причудливо изгибаясь в воздухе, разделялась на несколько фрагментов, намереваясь испортить стерильную чистоту помещения. Кстати, где мы? Я быстро осмотрелся. Какое-то подсобное помещение. Шкафы, стеллажи с посудой, коробки, большой серебряный холодильник в стене. Скорее всего, за стенкой столовая или бар. Главное – выбраться отсюда через дверь, летать по шахтам что-то больше не хочется.

Я стряхнул кровь на пол, поднялся, подошел к маленькому умывальнику и сунул обе руки в раструб. Зашумел воздух с водяной пылью, которая окрасилась красным и всосалась в сливное отверстие. Вода оказалась ледяной, но от этого стало несколько легче.

– Больно?

Я не стал отвечать, постоял немного, держа руки под водой, пока они не стали неметь, затем, не вытаскивая рук, включил сушилку. Горячий воздух моментально подсушил влагу и капельки крови. Кровь еще сочилась, но повреждения оказались не такими значительными. Содрал несколько клочьев кожи – пройдет.

– Надо тебя перевязать.

Ада, оказывается, уже покопалась в ящиках, раздобыла пару полотенец и теперь стояла с виноватым видом, держа их на вытянутых руках. Вид у нее был до предела виноватый. Хотя на ней не было ни царапины. Как она умудрилась так чисто пройти шахту, не понимаю.

Я взял полотенца, перемотал руки; Ада суетилась рядом, пытаясь помочь. Помалкивала, за что я уже был ей благодарен.

– Слушай, Глеб, извини, я не думала, что так получится.

– Чтобы думать, голова нужна.

– Тебе к медикам надо. Кровь опять проступила. Ты больше ничего не повредил? Головой не стучался?

Она ощупала голову.

– Ого, какая шишка. Может, у тебя сотрясение.

– Вряд ли, там мозгов не осталось. Ты как?

– Я нормально, ногой стукнулась, наверное, об тебя, когда тормозила.

– Кэп с меня кожуру спустит, что не уследил.

– Извини, я сама виновата.

– Ладно, разберемся. Но с этой секунды от меня ни на шаг, поняла?

– Да.

Я повернулся к двери. Дверь была той противной конструкции, которая используется в технических помещениях и открывается только снаружи. Гладкая белая поверхность. Внутри ни пульта, ни предохранительной коробки.

– А ведь ты прыгнул, – Ада, казалось, разговаривает сама с собой.

– Что? Не расслышал я. – Ну, да. Мозгов ведь нет, вот и прыгнул.

– У меня было время изучить график, а у тебя нет, но ты прыгнул сразу за мной. Вы, десантники, все такие? Сначала делаете, а потом думаете?

– Лучше помолчи.

Дверь отсюда открыть невозможно. Два варианта.

Либо снести ее к чертовой матери, она не очень прочная, либо позвонить, чтобы открыли. Я пошарил по карманам. Этого еще не хватало. Внутренний телефон лежал в нарукавном кармане. Теперь от него остались только обломки пластика.

– У тебя телефон есть?

– Да.

– Дай сюда.

Она протянула мне маленькую изящную золотую сережку с красным камешком.

– Это твой телефон? Проклятая мода.

– Да, но он в вашей системе работать не будет.

– Но с отцом ты можешь связаться?

– Попробую с кораблем, компьютер должен ответить.

Она нацепила сережку, сосредоточилась. Прошло несколько минут.

– Нет, между нами слишком большая масса. Связи нет. Я могу включить аварийный вызов, его корабль услышит.

– Не надо.

Я примерился, приблизился к противоположной стене, затем изо всех сил оттолкнулся и ногами вперед прыгнул к двери. Дверь, конечно, не выдержала, и я влетел вместе с обломками в соседнее помещение.

Это была кухня нашего бара. На меня с удивлением уставились два повара и бармен.

– Привет, Глеб. С тобой все в порядке?

Что за привычка задавать дурацкие вопросы!

– У вас дверь заклинило.

– А постучать было нельзя?

Тут он сообразил, в каком я виде.

– Да что случилось?

Из-за разбитой двери выглянула Ада. Теперь все глаза уставились на нее. Да, разговоров, будет еще на месяц.

Ада быстро взяла инициативу в свои руки.

– Все в порядке, мальчики. Мне тут Глеб показывал вашу методику выживания в экстремальных условиях. Это, оказывается, жутко интересно. Надо будет передать самые наилучшие пожелания вашему командиру. Глебушка, а что там дальше по коридору? Ты мне обещал показать еще скафандры, антенны, лазеры, карусели. И медпункт, – вполголоса добавила она.

«Мальчики» от такого поворота дел находились в явном ступоре. Ада подскочила ко мне, помогла подняться, и мы в обнимку направились к двери.

Первым опомнился бармен.

– Эй, Глеб, а дверь?

– Сделай заявку техникам – поменяют, – огрызнулся я.

– А что я им скажу?

Этот вопрос остался без ответа.

* * *

Яркий диск солнца скользнул за край иллюминатора, и в тесном помещении, заставленном всевозможной аппаратурой, стало сумеречно. Светились только некоторые шкалы приборов, и причудливая электроионная змейка заставки извивалась в воздухе, над столом. Шум приборов слился в монотонный фон, который уже не воспринимался мозгом. Рядом в удобном кресле спал человек, видимо, после тяжелого рабочего дня, когда нет сил или желания доползти до кровати и можно отключиться просто так, сидя в уютном кресле. Аппаратура вокруг жила своей электронной жизнью. Вот змейка мигнула и погасла, тихонько тренькнул вызов, и человек мгновенно проснулся. Над столом светился логотип почтовой программы. Получено сообщение. На декодирование и перевод – две минуты. Человек приподнялся в кресле. Две минуты на перевод – это очень серьезно. Высшая степень секретности. Это действие первоочередной важности.

Экран погас. В комнате сгустилась темнота. Потом над столом из ниоткуда стали возникать огненно-красные слова, складывающиеся в фразы, которые не задерживались в воздухе, а падали вниз и разбивались на стеклянные осколки. Сообщение закончилось. Слова пропали. Остался только смысл. Немного загадочный и незавершенный, как и все сообщения такого рода. Но требующий неукоснительного исполнения.

Корабль. «Алгол». До трех пассажиров. Астероид Ида. На корабле устройство, новейшая разработка. Вероятно, информационное оружие. Необходимо найти. При необходимости допросить пассажиров. Доставить на базу. Без ограничений. По возможности, соблюдать секретность.

Человек задумался. Особенно неудобны две последние фразы. Они исключают друг друга. Только маленькая лазейка – «по возможности».

Найти устройство, что бы это ни было.

Человек махнул рукой над столом, создал пульт и вошел в сеть. Корабль все еще на Иде. Дозаправка и контроль. Час-полтора до старта. Два пассажира. Профессор и дочь. Курс – предположительно Земля или одна из орбитальных баз. Место старта – Матильда. Астрообсерватория. Человек на секунду задумался и вызвал новый файл. Астероид Матильда. Астрообсерватория. Больше не существует. Переход радиотелескопа на сверхкритический режим шесть часов назад. Выживших нет. Файл закрыт.

Новый файл. Астероид Ида. Пятьдесят километров. Два причальных шлюза. Радиоэлектронный комплекс «Копер», восемнадцать лазерных батарей по мегаватту. Сто девять человек личного состава. Восемь агентов. Прямой штурм затруднителен. Спутник – Дактиль. Почти километр. Орбита – 115 километров в перигее. Хранилище радиоактивных изотопов водорода. Человек улыбнулся.

Тактическая программа. Расчет возможных вариантов действий.

Обыск корабля – наилучший вариант. При недостатке времени – задержка корабля на базе. Средство – имитация неполадок, задержка заправки, блокировка стартовой консоли, диверсия.

Запасной вариант – захват пассажиров, изоляция, допрос.

При старте корабля – перехват, вывод из строя, захват.

Крайний вариант – уничтожение корабля, уничтожение астероида. Средство – детонация термоядерного топлива на спутнике. Вариант – лазерный удар с поверхности астероида. Запасной вариант – корабль-камикадзе.

Человек удовлетворенно посмотрел на расчеты компьютера, сравнил со своими выкладками.

Новый файл. Корабль «Алгол».

Базовая модель – грузовой корабль серии «12».

Список реконструктивных особенностей:

- замена грузового отсека – 18 кассет топливных элементов;
- замена двигателей – 3 MR 0,86 на 18 комплектов DTC-1,8;
- радиоэлектронный комплекс «Кондор» с оригинальным программным обеспечением;
- противометеоритная батарея – 1,3 МВт;
- система жизнеобеспечения с рециркуляцией повышенной комфортности;
- дополнительный слой радиопоглощающего покрытия;

Возрастание инертной массы на 158%. Повышение энерговооруженности на 670%.

Человек нахмурился. Этот корабль вполне способен выйти за пределы Солнечной системы и вернуться обратно. Вопрос – зачем при таком количестве топлива ему понадобилось на Иду?

Возможность перехвата корабля в открытом космосе – 8%.

Человек раздраженно махнул рукой, стирая пульт управления, и вырастил новый. Вошел в связь с исполнителями и стал отдавать указания.

Где-то далеко отстыковались от базового корабля три небольших корабля-перехватчика и направились в зону наиболее вероятного курса Ида – Земля. Автоматический грузовой корабль отклонился от курса, перешел на другую орбиту, которая должна была привести его к складу термоядерного горючего на маленьком астероиде Дактиль. В причальном шлюзе астероида Ида на пульт контроля автоматикой поступили сигналы неисправности стыковочного шлюза.

* * *

Прямое попадание боевого лазера, бившего почти в упор, практически начисто снесло надстройку командного пункта. От мгновенной декомпрессии внутри все уже было разорвано чудовищным перепадом давления. На поверхности были разбросаны исковерканные остатки оборудования, еще светившиеся багрово-красным светом. Сквозь завесу пыли было видно, что некоторые элементы еще плавно опускаются на поверхность. Место взрыва освещалось изнутри. Видимо, светильники в помещении все еще продолжали работать. Но в живых явно никто не остался. А внутри должен был находиться Макс. Даже если он был в скафандре, такого перепада давления он бы не выдержал. Теперь тело даже не опознать. В груди все сжалось. Макс не заслуживал такой смерти. Я до боли сжал кулаки и приник лбом к холодному стеклу иллюминатора. Такого просто не может быть! Лазеры не могут ударить по поверхности. Даже если хватит вертикального угла наклона, стоят предохранители, если выйдет из строя компьютер – лазер заблокируется и обесточится. Даже если предположить самое невероятное – выход из строя сразу всех основных и дублирующих защитных систем, – останется последнее: обычные механические ограничители, стоящие на венце привода, обычные стальные скобы, прикрученные к зубчатому колесу. Я же сам их видел и проверял установку. Их можно снять только вручную. В таком случае это убийство. Бессмысленное и жестокое. И за это кто-то должен ответить.

Я обернулся.

– Профессор, можно ли сделать несколько снимков поверхности? Особенно района ближайшей лазерной батареей?

– Уже сделал, если это вам поможет, молодой человек.

– Спасибо.

– Не за что.

Ада сидела на заднем кресле, молчаливая и замкнутая. Я мельком взглянул на нее и отвернулся.

– Профессор, это не неполадки оборудования. Слишком много там систем безопасности.

– Это видно последнему идиоту! – огрызнулся он. Вопрос в том, кто так нагло и в открытую действует.

– Когда я вернусь, я перерою весь астероид, но найду, кто убил Макса! – порычал я.

– Сначала вернись, по-моему, тебя там ждут с нетерпением. Не зря заблокировали старт. Как бы по нам не шарахнули.

Профессор совершал какие-то непонятные действия с электроионным пультом, сформировавшим вокруг него кольцо из непонятных графиков и диаграмм. Над ним возникали текстовые предупреждающие сообщения, которые он смахивал рукой, бормотал что-то под нос. Теперь он казался не ненормальным профессором, а сосредоточенным пилотом истребителя.

– Я не виноват, профессор. Может, мне действительно стоило остаться и разобраться с аварией?

– Им это только это и нужно было. А теперь заткнись. Ускоряемся.

Раздался рев, мелкая вибрация пронзила корабль насквозь, и меня моментально вжало в кресло с такой силой, что воздух выдавило из груди, в глазах потемнело. С силой я вдохнул, руки налились свинцом. Теперь я весил, наверное, сотню тонн. Как же там профессор при таких перегрузках? С огромным трудом повернув голову влево, я увидел, что профессор обмяк в кресле и вроде бы даже не дышит. Проклятье! Только этого не хватало! Я выдавил из себя ругательство и заерзал в кресле. Но сил хватило только на то, чтобы приподнять голову. Внезапно прямо передо мной в воздухе вспыхнули огненно-красные буквы: **«Не дергайся, ускорение – 13 G. Еще 80 секунд. Потерпи»**. Цифры от восьмидесяти начали обратный отсчет. Я действительно перестал дергаться и попытался расслабиться в кресле, лишь тяжело, с присвистом, дыша сквозь стиснутые зубы. Последние секунды оказались самыми тяжелыми. На нулевой отметке гул двигателей смолк, и наступила тишина. Воздух вокруг профессора взорвался сообщениями и графиками, хитросплетением цифр. Я подскочил к профессору.

– Как Вы?

Профессор открыл глаза и тяжело улыбнулся.

– Порядок.

Рядом склонилась Ада.

– Папа, с тобой все в порядке?

А я про нее совсем забыл. Перегрузка для нее тоже не прошла даром. Глаза запали, из носа стекала струйка крови, которую Ада размазала рукавом, и теперь она вся была перемазана. Профессор повернул к ней голову.

– Сходи, умойся – в крови вся.

Ада посмотрела на меня.

– У папы плохо с сердцем, еще один такой старт может убить его.

Сначала я хотел разозлиться, но потом понял, что такие экстремальные действия, видимо, связаны с событиями, о которых я ничего не знаю.

Я вспомнил, как в медпункте, когда мне заливали руки анестезирующим гелем, Ада прислушалась к себе, побледнела. Потом схватила меня за руку так, что я зашипел от боли.

– Мы срочно стартуем!

– Что за ерунда?

– Быстрее, меня вызывает отец, это крайне срочно.

Гель еще не застыл, но Ада уже трясла меня.

– Если ты не поторопишься, придется улететь без тебя, ну пожалуйста, Глеб. Ты нам очень нужен.

Ее паника передалась и мне.

– Хорошо, идем.

Мы понеслись на первый уровень. На этот раз на обычном пассажирском лифте.

В стыковочный отсек ворвались вместе с профессором, только из разных дверей.

В отсеке нас ждал сюрприз. Здоровенный, как медведь, сержант Грун из штурмового отряда загородил дорогу.

– Здравствуйте, профессор. Его плотоядный взгляд скользнул по Аде. – И ты здравствуй, красавица.

Меня он не удостоил приветствием.

– Ваш кораблик еще не готов, старт немного откладывается.

– Мы должны стартовать немедленно. Уйдите с дороги.

– Не торопитесь, профессор. У вас есть одно устройство, которое нам очень нужно. Если Вы нам его сейчас отдадите, можете спокойно стартовать. Он противно ухмыльнулся. – Если нет, мы заберем его сами.

Я, кажется, стал понемногу понимать ситуацию, но что-то не вязалось.

– Глеб, – профессор обратился ко мне, – нам действительно необходимо срочно стартовать. У тебя приказ сопровождать нас. У меня на борту ценный груз, который ни в коем случае не должен попасть не в те руки.

– Да, профессор, наверное, вы правы. Грун, отойди, мы улетаем.

– Не так быстро, Быстров. Ты здесь ни при чем, отойди – это дело профессора и мое. Он оценивающе посмотрел на меня. Ты все равно не пройдешь, техник.

Ну, это он зря сказал. Я не собирался драться. В другое время, может, все решилось бы миром. Но я чувствовал, что Грун не играет. Это не выполнение обязанностей. Он вел себя как хозяин. Слишком нагло и раскованно.

– А кроме устройства, мы заберем еще и девчонку. Она ничего. Это ты, красавица, выиграла конкурс красоты на Церере?

Профессор попытался пройти в шлюз, но Грун оттолкнул его на середину комнаты. Затем повернулся ко мне и с разворота попытался припечатать меня к стене. Я был готов к такому повороту событий, но не так быстро. Удар я блокировал, но инерция все равно вмазала меня в стену.

– Что там, Грув? – донеслось из корабля.

– Все под контролем.

Оказывается, он не один.

Грув молниеносно оттолкнулся от стены и прыгнул ко мне, целя двумя ногами мне в грудь. Достигни его удар цели – лежать мне с переломанными ребрами, но месяцы тренировок в невесомости не прошли даром. Я изогнулся, держась руками за поручни, и встретил его встречным ударом в голову. Грув хрюкнул и отскочил в сторону. Теперь он стал осторожнее.

– Шустрый, посмотрим, что ты будешь делать дальше.

Тут он был прав. Мы с ним были не просто в разных весовых категориях, он был бойцом штурмового отряда. Их целенаправленно тренировали для боя. Я тоже десантник, но из радиоэлектронного подразделения. В уровне подготовки мы были как кот с мышью. И оба это осознавали. Но я видел, что Грув не дерется. Он намеревался меня убить. Это было написано в его глазах. Я же был резко против. Рабочее помещение причального шлюза было примерно три на три метра – идеальное пространство для боя в ограниченном пространстве в невесомости. На меня обрушился град ударов, я еле успевал уворачиваться и блокировать. Выписывая немислимые пируэты, мы кружились и прыгали по шлюзу. Ада с профессором застыли в углу, даже не пытаясь вмешаться, и правильно делали. Каждому свое.

Тут произошло сразу несколько событий. Глухой удар сотряс все помещение, свет моргнул, загорелись красные лампы и завывла сирена разгерметизации. Грув автоматически повернулся к пульту, а я к ящику с инструментами, где недавно искали резинку для волос. Через мгновение Грув опять смотрел на меня, но я уже запустил ему в голову массивную железяку, кажется, какой-то кран. С противным хрустом тот врезался в лоб, и мой противник запрокинулся назад через голову, роняя алые капли крови.

Ада отвернулась, профессор кинулся к шлюзу.

– Глеб, там еще один.

Я это прекрасно знал, как и то, что боя еще с одним профессионалом мне не пережить. Но все равно кинулся в шлюз. Правда, пройти успел только несколько шагов. Мне в глаз смотрел массивный ствол «Аргумента».

– Прошу, профессор, проходите. Вы прошли через Грува. Поздравляю.

Лица говорившего я не видел, он был скрыт тенью за переборкой. Кажется, Владислав Торжецкий, из того же подразделения. Впрочем, раскованность и нахальство были такими же. Их что, специально тренируют?

– Быстро зайти в шлюз! – Это уже относилось ко всем.

С таким аргументом не поспоришь.

– Разрешите, Глеб, сначала я с ним поговорю.

Я не возражал. У старичка в глазах разгорался огонь.

Профессор сделал несколько шагов и остановился перед переборкой.

– Не стесняйтесь, проходите.

– А вы не паясничайте, молодой человек. Я ведь слегка постарше. Кстати, там разгерметизация, может, закроем шлюз?

– Не стоит, здесь вполне безопасно.

Владислав галантно пропустил профессора и Аду в коридор, меня он держал на прицеле, пока я не вошел внутрь. Сам он так и остался в шлюзе, держа пистолет у пояса.

Я прикидывал, успею ли я допрыгнуть. Решил, что прыгнуть успею, но долететь вряд ли. За полсекунды «Аргумент» сделает решето из нас и из корабля.

И тут профессор раздвоился. У меня отвисла челюсть. Ада ахнула. Спиной к нам стояли два профессора. Один отступил на шаг назад, второй шагнул к выключателю шлюза, но не трогал его.

– Брось оружие, останешься жив.

У Владислава расширились глаза. Он сделал шаг вперед. В тот момент, когда рука с пистолетом оказалась за переборкой, сверху рухнула плита герметизации, отсекая руку. «Аргумент» взвизгнул, выпуская рой стрел в профессора, тот даже не вздрогнул, но медленно растаял в воздухе.

Его двойник уже сидел в кресле и запускал системы корабля.

– Всем сесть! Аварийный старт через две минуты.

Корабль загудел, завибрировал.

– Если у того придурка есть хоть капля мозгов, он уберется из шлюза.

Я и Ада поспешно зафиксировались в креслах.

Вспыхнул экран обзора. На нас смотрело взволнованное лицо дежурного.

– «Алгол», вам не разрешен старт. Что происходит?

– Центр, мы стартуем. Отсоедините и загерметизируйте стыковочный узел.

– «Алгол», у вас неполадки. Стыковочный модуль неисправен. Старт запрещен.

Экран мигнул, и появилось лицо Кэпа. Как обычно, оно было бесстрастным.

– Профессор, деактивируйте двигатели и успокойтесь. Я видел инцидент в причальном шлюзе. К сожалению, помощь опоздала. Я гарантирую, что будет проведено расследование причин происшествия.

– Капитан, мы стартуем через минуту, разрешите Вы нам это или нет. Мне не хочется ломать оборудование базы.

– Подождите, профессор. Еще одно. На базе произошло ЧП. Мне нужно провести расследование. Я могу переговорить с сержантом Быстровым?

– Да.

Тут сзади высунулась Ада.

– Командир, это я виновата, я сама полезла в грузовую шахту. Сержант только хотел меня вытащить.

– Какая шахта?

– Грузовая, – грустно сознался я.

– К чертовой матери шахты!

Ого, Кэп начинает злиться, кажется, дело совсем плохо.

– Сержант, вы давали допуск для работы на поверхности Станиславу Стасенко?

– Да.

Я еще ничего не понимал.

– Цель.

– Ремонт антенной мачты 3А.

– В этом была необходимость?

У меня сжалось сердце в предчувствии неприятностей.

– В целом нет, ослабло крепление, и необходимо было провести диагностику. А в чем дело?

– А дело в том, что во время ремонта мачты лазерная батарея 3-А вышла из строя и выстрелом повредила купол командного пункта. Вашего командного пункта. Погиб один человек. Предположительно, рядовой Васильев Максим. Опознание затруднено из-за взрывной разгерметизации. Я вынужден отложить вашу командировку до выяснения причин и окончания расследования. Покиньте борт корабля и явитесь ко мне. С настоящего момента вы отстраняетесь от служебных обязанностей до окончания расследования. Профессор, я дам Вам другого сопровождающего, или полетите одни. Может, для вас это будет безопаснее. Мы немедленно проведем диагностику причального модуля.

– Командир, я не согласен. У Вас осталось десять секунд. Сержант Быстров остается на борту.

– Профессор. Ваш корабль в механических захватах. Не глупите, при старте корабль будет поврежден.

– Профессор, мне действительно надо остаться. Я не преступник.

– Если ты останешься, то будешь трупом уже завтра.

Профессор не сделал ни единого движения, но гул и вибрация стали громче. Корабль задрожал в захватах.

– Профессор, – это опять командир, – я меняю решение. В причальном шлюзе мои подчиненные пытаются прорваться в корабль. Уходите. Причальный модуль действительно неисправен. На команды с моего пульта не отвечает. У вас большой энергозапас. Отрывайтесь.

Корабль вздрогнул, заскрежетал, заскрипел, гул усилился, затем раздался страшный скрежет, и тут я почувствовал, что мы свободны. Звезды сдвинулись вправо. Корабль свободно маневрировал в космосе.

Я представил, что случилось с людьми в причальном модуле, и мне стало дурно.

* * *

– Профессор, Вы не хотите мне что-нибудь объяснить?

– Обязательно. Только всему свое время.

– Кто эти люди, которые пытались нас остановить?

– Неизвестно, можно сделать только косвенные выводы. Это широко разветвленная, мощная, хорошо законспирированная организация, имеющая своих агентов в большинстве структур. Имеющая очень большое финансирование и влияние.

– Правительственная?

– Нет, на спецслужбы это не похоже, не тот стиль работы. Скорее либо преступная, либо коммерческая, что, впрочем, на таком уровне почти одно и то же.

– Странно, по логике вещей Вы не должны мне доверять. Вы же меня совсем не знаете. А если я тоже их агент?

– Маловероятно. Молодой человек, во-первых, Вы ошибаетесь. Я Вас знаю, и даже может лучше, чем вы сами. Мой выбор не случаен. Второе. У каждой социальной группы есть определенная модель поведения, характера, стереотипы поведения, которые определяются личностными качествами, возрастом, типом темперамента, образом мышления, социальным статусом и целым рядом других величин. Как правило, это случайный набор величин, но при достаточно большом количестве параметров можно с уверенностью говорить о личностных качествах человека, его принадлежности к той или иной социальной группе, принадлежности к определенным линиям или моделям поведения. К примеру, скупец не сможет быть идеальным любовником.

– Из всех правил есть исключения.

– Конечно, но, во-первых, исключения составляют люди с низким уровнем нервно-психологической устойчивости, их мы не берем в расчет, так же как и людей с нарушенной психикой. А во-вторых, задача не ставится на полное определение морально-психологических качеств человека. Важна лишь вероятная модель поведения. Ваша мне подходит. И с большой долей уверенности можно предполагать, что вы не агент противника, не предатель, не корыстолюбец и властолюбец, не садист и извращенец. Например, я знал, что вы не ударите Аду, когда выдернули ее на склад из шахты.

Я поперхнулся.

– Так Вы все видели? Как?

Профессор продолжал, не слыша меня – или не обращая внимание.

– Правда, вы не способны к глубокому анализу – слишком прямолинейны и недалеки. Как и всякий десантник – вот еще пример модели поведения – привыкли сначала действовать, а не думать и анализировать. Но это придет с возрастом. Вы еще молоды.

У меня пропало желание задавать вопросы.

Хотя я вспомнил еще одно непонятное явление. Обернувшись, я посмотрел за кресло, в глубину коридора. Сейчас коридор был ярко освещен, и там, в конце, на блестящем полу в луже крови валялась отрубленная рука нашего похитителя, все еще сжимающая серую стальную рукоятку «Аргумента».

– Руку выбрось в утилизатор, а оружие оставь – пригодится.

Он что, мысли читает?

Я сходил, с омерзением, сделав над собой усилие, поднял за мизинец руку и выкинул в утилизатор. Смыл кровь с пола, протер до блеска оружие. «Аргумент» мне всегда нравился. Он состоял на вооружении только штурмовых отрядов. Мог стрелять в открытом космосе. Электронный прицел. Пули – реактивные, с компенсационным отводом пороховых газов. Нулевая отдача. Скорострельность до шести тысяч выстрелов в минуту. Магазин на триста патронов. Я отщелкнул магазин. Обойма была почти полная. Разломив обойму, я полюбовался на тусклые цилиндрики. Половина с красной полоской, половина с желтой. Бронебойные и термические – неплохо. Отстегнув спецотдел, с удивлением посмотрел на три ярко-красных патрона. Вот это да! Эти скоты укомплектованы по высшему разряду. Ядерные патроны. Я их изучал, но воочию никогда не видел. Маленькие атомные заряды с критической массой восемь граммов, на основе какого-то там калифорния. Но это уже неплохо. Теперь можно повоевать.

Я присоединил магазин, взвесил оружие на руке. Тяжесть пистолета придавала уверенности. Снял с предохранителя, на панели загорелась красная лампочка блокировки. Что за фигня? Я перевернул пистолет, полюбовался на дактилоскопический блокиратор. Из этого оружия может стрелять лишь хозяин. А я могу запустить его противнику в морду или использовать в качестве дубинки. И тут меня осенило: рука! Я кинулся назад к утилизатору, но тот

с противным урчанием уже почти пережевал все, что там было. Сорвав крышку, я вытащил руку, уже обглоданную до запястья. Пальцев не было.

Как назло, тут из умывальника вышла Ада.

– Ты что делаешь?

Увидев, что у меня в руке, она издала приглушенный вскрик, побелела и кинулась обратно в умывальник. Я закинул руку обратно в утилизатор и поплелся в рубку.

– Не переживай, для того чтобы перепрограммировать это оружие, руки недостаточно, надо знать код.

У этого старикашки глаза везде.

– Я не знал.

– Дай сюда.

Я протянул ему «Аргумент». Профессор взвесил его на руке, отщелкнул обойму, осмотрел, полюбовался на красные патроны.

– Да, жалко выбрасывать.

– Теперь он бесполезен.

– Не обязательно. Будем считать, что это подарок от меня за причиненные неудобства.

Да, не зря этого старика называли чокнутым. Все знают, что боевые коды не взламываются. Боевые алгоритмы не расшифровываются.

– Это простой алгоритм. Защита от дурака. Но от неизобретательного.

Я с удивлением посмотрел, как на спусковой скобе пистолета материализовался палец, по нему побежали папиллярные линии, затем на панели мигнули цифры и погасли.

– Дай палец.

Я протянул указательный палец и коснулся спусковой скобы.

На панели еще раз мигнули цифры.

– Держи, теперь он твой.

– Как Вы это сделали? Вы даже не прикасались к нему. Одним усилием воли?

– Можно сказать и так. Новый код, чтобы ты вдруг не забыл – четыре единицы.

– Спасибо. – Я все еще до конца не верил. Сухо щелкнул предохранитель, на панельке зажглась зеленая лампочка. Готов. Патроны – 142 Бр – 150 Тр – 3Сп, Прицел 100X Снайперский режим. Выберите цель. Я выключил пистолет.

– С ума сойти.

– Это хороший пистолет. Для меня тяжеловат, для тебя в самый раз. Но настоящее оружие – это все-таки человек. И информация.

Из умывальника наконец-то вышла Ада.

– Где рука?

– Он ее съел.

Ада всхлипнула, побелела и пошла обратно.

– Так. Сейчас самые насущные вопросы. Корабль не пострадал. Все жизненно важные системы в исправности. Твой «Аргумент» пробил пол-отсека и повредил один из контейнеров с топливом. Пришлось отстрелить кассету. Поврежден стыковочный узел. Шлюз разгерметизирован. В остальном, все в порядке. Необходимо выйти в шлюз и восстановить герметичность. Справишься?

– Попробую.

– Твой скафандр возле шлюза.

– Хорошо, только на время осмотра и ремонта необходимо всем быть в скафандрах. Придется откачать воздух из коридора и использовать его вместо шлюза.

– Хорошо, приступай.

Я сходил к шлюзу, полюбовался на свой скафандр. Моим был только размер. В остальном это была гражданская модель, применявшаяся в строительных работах, на шахтах. Никакого

отношения к боевому костюму эта шкурка не имела. Так как выходить из корабля я не собирался, пришлось отцепить громоздкий регенерационный контейнер и к системе жизнеобеспечения подключить внутренний шланг. Подав давление, я полюбовался на надувную игрушку. Скафандр давление держал. И на том спасибо.

В скафандре, на удивление, оказалось удобно и уютно. Проверив связь, я убедился, что мои товарищи уже в скафандрах, дал команду на понижение давления. В висках заломило. Система компенсации давления барахлила. Ну да ладно. Когда давление сравнялось, массивная плита поднялась вверх, открыв зияющую пустоту и бесконечность. Это и есть открытый космос. На пороге, придавленные за отрубленную руку, лежали останки нашего террориста. Он так и не смог уползти. Теперь это было нечто вроде мумии. Влага тела испарилась и замерзла. Форму тела поддерживал лишь десантный комбинезон. А самого тела практически не было. Взрывная декомпрессия. Мгновенная смерть. Я поежился в скафандре. Я бы такого не хотел. Потом вспомнил про Макса, он ведь тоже такого не хотел. Со злостью я отодрал от стального пола промерзший комбинезон со всем, что там было, и швырнул в проем шлюза. Тело некоторое время летело рядом, и я с ужасом подумал, что мы всегда будем идти одним курсом, но потом я увидел, что оно медленно удаляется. Осмотрев заслонки шлюза, я обнаружил причину неполадок. При старте с базы мы повредили одну из шести створок диафрагмы шлюза. Она деформировалась и заклинила в проеме. Остальные, соответственно, тоже не закрылись. Здесь нужна кувалда.

– Профессор. Мне нужна кувалда.

– Это так серьезно?

– Да. Здесь одним усилием воли не обойдешься. Деформирована створка. Надо извлечь ее из гнезда. Тогда диафрагма закроется. Но за герметичность не ручаюсь.

– В конце коридора, справа у пола, есть инструментальный ящик. Открывай осторожно. Ящик герметичен. Кувалды там нет, но что-нибудь тяжелое подберешь.

Я вернулся со здоровенным универсальным ключом, отрезком стального прута и еще одной массивной железякой непонятного назначения.

После пяти минут каторжной работы я весь взмок, хотя скафандр исправно впитывал влагу, но проклятая створка так и не сдвинулась с места.

– Как дела? – Послышался голос Ады.

– Я думал, будет легче.

– Тебе помочь?

Интересно, как она могла мне помочь?

– Не надо.

– Так, Глеб, слушай меня внимательно. Если створка не двигается, значит, ее что-то держит. Скорее всего, повреждение снаружи корабля. Возможно, элемент крепления причального модуля изогнулся, пробил обшивку и заблокировал створку изнутри. Тебе надо выйти на поверхность корабля и осмотреть обшивку.

Я выглянул наружу. Ночь и звезды. Ничего не видно. Полюбовавшись на ближайшие окрестности Вселенной, я включил фонарь и сразу увидел треугольный зуб, воткнувшийся в обшивку почти под прямым углом. Старикан ведь и правда может видеть сквозь стены.

– Вы правы, профессор. Видите?

– Вижу, но плохо, сейчас добавим освещение.

– Снаружи вспыхнули причальные прожекторы, и у меня захватило дух.

Шлюз находился по центру корабля, а вокруг кольцом располагались двигатели. Причем такие, как установлены на перехватчиках малого радиуса действия. Только на перехватчике их два, а здесь восемнадцать раз по два. Причем сам корабль ненамного тяжелее.

Я еще раз окинул взглядом громадное двадцатиметровое кольцо. Совсем недавно там внутри бушевало термоядерное пламя. Принцип действия у них был простой: радиоактивный

изотоп водорода нагревался лазером до звездной температуры, происходил небольшой термоядерный взрыв в магнитном поле, затем поле выбрасывало продукты взрыва вдоль оси двигателя.

Надолго задерживаться здесь не стоит. Скорее всего, фон приличный.

Но в свете прожекторов стал отчетливо виден кривой железный зуб с оторванным краем, торчащий в обшивке. Неудивительно – с такими двигателями можно было бы разворотить пол-астероида, а не только стыковочный узел.

Изображение с камер скафандра передавалось в рубку. Правда, при разборках с трупом я предварительно камеры отключил. Аде ни к чему такое зрелище. У нее и так после увиденной руки с желудком не в порядке.

– Видите повреждение?

– Вытащить сможешь?

– Попробую.

Подобравшись к зубу, я стал методично молотить его железкой. Никакого эффекта. Масса железки мала. Да еще скафандр здорово мешал. На базе я такую железку выдернул бы в два счета голыми руками. А здесь никак.

– Профессор, попробуйте покачать створками, может, вылезет.

– Это происходит постоянно, ты просто не замечаешь. Она вылезла почти на два миллиметра. Стучи давай.

На два миллиметра? Как же это я сразу не заметил? Бормоча себе под нос ругательства, я принялся снова колотить по «зубу» железкой. И она сдвинулась! Створка дрогнула: сначала в одну, потом в другую сторону, потом «зуб» выскочил из рваного отверстия, и я еле успел увернуться от зазубренного края.

– Так, ребята, готово! – бодро отрапортовал я, – эй, не закрывайте люк!

Створки диафрагмы почти сомкнулись, но тут же разошлись опять в разные стороны, а между ними нежно белела пуповина моего фала.

– Не ори. Надо было проверить работоспособность.

– А нельзя проверить, когда я буду внутри корабля, а не снаружи?

– Можно, заходи.

– Ну спасибо.

– В том же ящике пена-герметик. Возьми и проверь герметичность шлюза.

Я порылся в ящике, нашел баллон с пеной, затем внимательно осмотрел закрывшуюся диафрагму. Вроде прилегает плотно, по всей поверхности уплотнителя. Я нанес пену на все стыки и скомандовал поднять давление. Пена держала везде, кроме неисправной створки. В том месте, где я молотил створку железкой, пена потихоньку просачивалась в космос. Ну и черт с ней. На базе отремонтируем. Я, не жалея, залил неисправное место пеной, понаблюдал, как она стала застывать. Давление в шлюзе держалось на прежнем уровне – 0,2. Хорошо. Теперь можно и отдохнуть.

Возле шлюза меня уже встречала вся компания. Кстати, без скафандров, что запрещено. Ремонт-то был еще не закончен. Что такое разгерметизация, я уже слишком хорошо знал. Но решил не выступать – слишком сильно устал. Да и это их дело.

Профессор пристально посмотрел на железку, валяющуюся возле створки шлюза. Поднял, покрутил в руках.

– А ты хоть знаешь, чем ты ремонтировал шлюз?

– Железкой. Кувалду не нашел.

– Железкой! Это шаблон для юстировки направления тяги двигателей. Изготовлен из высокотемпературной керамики с покрытием из сверхотражающей амальгамы. Точность изготовления – почти одна миллионная. Но ты прав, теперь это просто железка. Кстати, она стоит столько, что ты не заработаешь за год.

– Простите, я не знал. А Вы могли бы мне и сказать.

– Сказал бы, если бы ты не отключил камеры. А потом было поздно. Ну да ладно. На базе найду еще. Дай Бог, чтобы не было неполадок с двигателями.

Затем были почти домашние посиделки с чашкой чая, с рассказами про жизнь, смешными и не очень историями. Все устали, поэтому ужин не затягивался.

Ада зевнула и сообщила, что отправляется спать.

Так как каюта была одна и очень крохотная, мне спать придется в пилотском кресле. Двигатели, остановленные на период ремонта, вновь были запущены, ускорение – примерно одна треть G, поэтому будет довольно комфортно.

Профессор заверил, что вахты здесь не требуется, автоматика справляется с пилотированием самостоятельно. Да и с чем справляться? Корабль на курсе, ускорение – постоянное, в течение сорока двух часов, затем пять дней свободного полета в невесомости, затем торможение, выход на орбиту Земли, – и мы дома.

Если не произойдет ничего непредвиденного, оставшаяся часть пути должна пройти чисто. Одно не давало покоя. Профессор. Этот человек начинал внушать суеверный страх. Обычные люди не раздваиваются, корабли не убивают людей. Что-то здесь пахнет загадкой. И вряд ли разгадка окажется для меня очень приятной. Надо постараться без приключений закончить маршрут и забыть обо всем. С этой мыслью я заснул.

Проснулся я резко, как от толчка. Профессор сидел в соседнем кресле и колдовал с пультом. Как и раньше, вокруг него змеились графики, схемы, висели какие-то таблицы.

– Что-то случилось? – Неприятное предчувствие не оставляло.

– Пока все в порядке, но у нас, возможно, скоро будут гости.

– Мы в космосе, в сотнях тысяч километров от ближайших баз.

Профессор, не отвечая, высветил схему Солнечной системы. Укрупнил участок от пояса астероидов до Земли. Красной трассой светился наш пройденный путь. Маленькая Ида висела у меня возле уха, красная звездочка корабля мерцала на расстоянии вытянутой руки, зеленая гипербола вероятного курса входила в профессора и заканчивалась в конце рубки, возле иллюминатора, в котором светила Земля. Красиво и оригинально. Профессор ткнул пальцем в туманное пятнышко неподалеку от корабля.

– Что это?

– Не знаю. Какой-то материальный объект. Возможно, корабль с хорошим экранированием, возможно, ракеты, может, просто скопление метеоров. Объект находится за пределами действия радаров.

– Скорость объекта выше нашей, направление полета почти совпадает, они на курсе перехвата. Вряд ли это метеорный поток. И уж точно не друзья. Через пятьдесят минут узнаем точнее.

– Когда мы должны встретится?

– Я надеюсь, никогда. Если это ракеты, мы просто перейдем на другую орбиту или собьем. С кораблем сложнее. У нас почти нет вооружения. Одна противометеоритная турель. У нас, возможно, превосходство в тяге и маневренности, но это не автострада. Одна надежда, что им не нужно уничтожать нас с кораблем. Им нужно оборудование и, возможно, корабль.

– Малыш, прогноз.

В воздухе зажглись огненные строчки.

«Предварительный прогноз – ракетная атака. Дальность – около 85 тысяч. До 150 единиц двухконтурных управляемых ракет «TOW». Боеголовки – импульсный электромагнитный лазер. Эффективная дальность поражения до 10000 километров. Оптимальный вариант защиты – трехкратная смена курса с интервалом в восемнадцать минут вне зоны поражения. Более точный прогноз возможен только после установления радарного контакта».

– Не корабль, это значительно проще. Наверное, мы так и поступим.

– Нашим лазером их не сбить. Я знаю эти ракеты. У них тройное дублирование управления, защита от электромагнитного импульса, средства радиоэлектронной борьбы, фильтры помех и ложных мишеней, управление с элементами искусственного интеллекта. Очень дорогие игрушки. Почти никогда не использовались, тем более в таком количестве. Надо убегать, причем немедленно.

– Убежим, время есть. Это ракеты, они ограничены в маневре, а мы нет.

– Еще одно. Эффективная дальность поражения – не максимальная. Их очень много. Расчет на то, что пока мы про них не знаем, а когда они войдут в зону действия нашего радара, а это пятьдесят тысяч километров, произойдет залп. Фокусировка будет сбита, но суммарная мощность излучения выведет корабль из строя. Это беспроигрышный вариант.

– Малыш, ты что думаешь?

В пространстве опять загорелись слова.

«Твой друг прав. Маневр необходимо начинать немедленно. Три изменения курса через семь, три и одну минуту. После третьего маневра задействовать защиту от электромагнитного импульса. Развернуть корабль кормой к противнику и включить двигатели на максимум – это ослабит импульс. Изменить курс и выйти из плоскости эклиптики».

– Док, а с кем это я сейчас разговаривал?

– Малыш, маневр через три минуты.

– Ада, проснись и пристегнись, мы маневрируем.

Через минуту в рубку вбежала растрепанная дочь. Даже в таком виде она была необыкновенно хороша.

– Что случилось?

– У нас гости. Сядь и пристегнись. Мы будем ускоряться.

Ада плюхнулась в кресло. Первым делом поправила прическу и только затем пристегнула ремни.

– Мне кто-нибудь объяснит, что случилось?

– Ракетная атака.

– Далеко?

– Восемьдесят тысяч.

– Далеко.

Она успокоилась, еще раз поправила прическу и глянула на меня.

– Стоило ради этого выдергивать меня из постели!

Никто не стал ее разубеждать, что не так-то и далеко.

Гул двигателей усилился, на отсчете «0» нас опять вдавило кресло. Но на этот раз перегрузки были не такие экстремальные: так, пять-шесть единиц.

В космосе нельзя кардинально поменять направление движения. Можно только поменять орбиту на несколько градусов, но в данном случае для нас это было вполне достаточно.

Перегрузки прекратились, опять наступила тишина, и снова невесомость.

– Профессор, я только что разговаривал с компьютером. Все машины, с которыми я общался, понимают только язык команд. Ваш «Малыш» анализировал речь и понимал смысл отвлеченных фраз. Это явно что-то новенькое. Он что, встроен в корабль? Тогда понятно, как Вы проделали фокус с дверью. И это за ним охотятся Ваши приятели. Я прав?

– Да, молодой человек, в чем-то Вы правы. Это действительно суперкомпьютер, моделирующий интеллект. Самопрограммируемая и самообучаемая система, обладающая колоссальным объемом информации и способностью к отвлеченному анализу. Это еще далеко не разум. Псевдоинтеллект. Он может копировать модели поведения, но у него нет собственной модели. Со временем, мы доведем его до совершенства, если закончим путешествие. Охотятся действительно за ним. Даже незавершенная разработка невероятно ценна. Но я боюсь, что его, скорее всего, используют в качестве оружия. На основе этой модели можно создать универсальных

киборгов, идеальных солдат, космические танки. Представь, что сможет сделать в пространстве один бронированный и вооруженный монстр, не боящийся ни оружия, ни бешеных перегрузок, который может сам принимать единственно верные решения, обладающий всеми знаниями человечества, опытом всех войн. А даже сейчас есть люди, которым нужна армия таких монстров. Я не хочу. Если мы не закончим путешествие, «Мальша» следует уничтожить. При необходимости, я расскажу, где он расположен и что необходимо делать.

«Предположение оказалось верным. На исходе седьмой минуты объект изменил курс. Кстати, уничтожение компьютера нецелесообразно».

– Не сомневаюсь. Но тебя никто спрашивать не будет.

– Он может анализировать ситуацию и принимать решения?

– Да, причем намного эффективнее, чем большинство существующих и применяемых у вас тактических систем.

– За счет чего?

– Более эффективные алгоритмы. Даже не алгоритмы, а способ обработки и хранения информации. Он ближе к человеческому, чем к машинному. Мы попытались максимально отказаться от цифровых кодов и сделать компьютер, который не пересылает биты и байты в различные регистры, сравнивает заложенные образы. Кроме этого, еще несколько десятков передовых решений.

Нас опять вдавило в кресла. Беседу пришлось прервать.

«На исходе третьей минуты объект опять изменил курс. Предположительное время атаки – через одну минуту»

Опять на несколько минут навалились перегрузки. Корабль развернулся, яркий диск солнца краем стал лизать серебристый краешек иллюминатора. Мне на мгновение показалось, что там, за стеклом, яркий весенний день, зеленеют деревья и порхают бабочки. Я даже непроизвольно бросил взгляд направо. Да нет, бездонная чернота и фрагмент антенны. Так и должно быть. Я оглянулся и взглянул на девушку в заднем кресле. Ада сидела, стиснув ручками подлокотники так, что пальцы побелели. На правом подлокотнике была консоль управления, с половины кнопок были уже содраны силиконовые наклейки, но она этого, видимо, не замечала.

– Ты как?

– Нормально.

Конечно, что она еще может ответить?

«Приготовиться. Включение двигателей через десять секунд».

– Нам не убежать от них.

– Мы не убегаем, – пробормотал профессор, – у нас много двигателей. Там мощные магнитные поля, они ослабят и рассеют удар.

За кормой опять родилась термоядерная буря. Чудовищные вихри электромагнитных полей снова швырнули корабль вперед. То ли у меня потемнело в глазах, то ли действительно погасли и исказились приборы, я так и не понял. Но вдруг неожиданно перегрузки почти пропали, я подскочил в кресле, удерживаемый лишь ремнями безопасности, но тут же грузно плюхнулся обратно.

– Что случилось?

Ответил мне профессор.

– Видимо, корабль смог отразить удар. Все системы в норме.

Он совершал какие-то шаманские действия с пультом, когда в воздухе опять возникли огненные слова:

«Атаки не было. Последнее изменение курса объекта не совпадает с курсом перехвата, мощность двигателей снижена до 3%».

– Они уходят! – раздался сзади тоненький голосок.

В рубке раздался вздох непомерного облегчения.

– Возможно. Малыш, дай график и расчеты курсов.

В рубке возникла паутина линий. Я уже даже начал понемногу разбираться в этом хитро-сплетении. Профессор стал давать пояснения. Красная пунктирная трасса – наш планируемый курс. Красная толстая – нынешний. Причем орбита полета выходила далеко за пределы плоскости эклиптики. Темное облако вероятного противника лежало на синей ниточке, которая вначале отклонилась от плоскости эклиптики и, согласно синему пунктиру, должно было встретиться с трассой нашего корабля на удалении около десяти тысяч километров, затем вернулось в плоскость эклиптики, увеличив скорость, – ракеты переходили на более высокую орбиту, возвращаясь в пояс астероидов. Неприятно было то, что наши орбиты лежали теперь примерно параллельно, немного расходясь. Согласно светящимся пометкам, расстояние было около семидесяти пяти тысяч километров.

– Малыш, модель противника.

«Согласно анализу траекторий и интерполированной модели динамики объекта можно предположить, что первоначальные выводы подтверждаются. Вероятный противник представляет собой конгломерат объектов малой массы, до одной тонны. В количестве до ста пятидесяти единиц. В настоящее время траектория восходящая, в плоскости астероида Амелия, база Дельта – б. Вывод – прекращение атаки, курс к точке перехвата для возвращения на базу».

– Они решили не выбрасывать в пространство сто пятьдесят миллионов долларов, а вернуть ракеты.

– Возможно, но это еще не факт. – Профессор все еще был хмур.

– Почему, они же отвернули, – Ада.

Я начал понимать опасения профессора.

– А потому, девочка, что мы сейчас идем на трех процентах мощности, но направление – я показал пальцем – «Сверху», над плоскостью эклиптики. Двигатели выключать опасно, нужна хоть какая-то защита от ЭМИ. А с таким ускорением мы рискуем набрать скорость такую, что можем покинуть пределы Солнечной системы. Да и топлива у нас все-таки ограниченное количество.

– Ну что же, Глеб, поздравляю, ты достаточно точно обрисовал ситуацию. Хотя поздравлять не с чем. То, что противник изменил курс, еще ни о чем не говорит. Удар может быть нанесен в любую минуту.

– Малыш, вероятный прогноз атаки.

Ответ не заставил себя ждать.

«Исходя из характера развития событий и модели поведения противника, вероятность атаки – около 30%. При 90% синхронизации залпа корабль будет поврежден на 40%. Выйдут из строя системы управления двигателями, навигации и жизнеобеспечения. На всех контурах есть дублирующие системы. Время переключения дублирующих систем – около трех часов».

– Мы не умрем, но приятного мало, – подвел итог профессор.

– Так что мы будем делать? – Ада уже почти успокоилась.

Я быстро взглянул сначала на нее, потом на профессора.

– Будем спать. Так, Док?

– Да, выключимся и будем спать.

– А если по нам все-таки выстрелят, – Ада никак не могла успокоиться. – Я не смогу уснуть.

– Доченька, все в порядке. Если электроника отключена, электромагнитный импульс не страшен...

– Папа! Я не маленькая, физику и электродинамику мы еще в школе проходили. Ты не сможешь отключить и обесточить ВСЕ системы корабля. Много работает в фоне.

– Ничего страшного. Выключим все. Навигация нам не нужна, мы в открытом космосе, рискуем. Двигатели тем более. Отключим систему жизнеобеспечения, объем жизненного пространства корабля почти двести кубометров, откроем все двери, кислорода в отсеках хватит. Температура без приборов не повысится. А больше нам ничего не надо. Иди спать. Я когда закончу, нигде не будет света. Возьми фонарик. И сходи умойся.

– Я уже умывалась перед сном. – Она на минуту замолчала. – Папа, все будет хорошо? Мне страшно.

– Все будет хорошо. Иди спать. Мне тоже страшно, так что не переживай. Мы справимся.

– Глеб, ты обещал нас защитить.

Во первых, меня назначили для сопровождения, а не защиты, а во-вторых, никому я ничего не обещал. Говорить я, конечно, ничего такого не стал.

– Не волнуйся, ничего с нами не случится. А если что, я закрою тебя своим телом.

– Ну да, – она фыркнула, – экран нашелся, у тебя, наверное, только член железный.

Вот и поговори с ней. Ада пошла к себе в каюту, мы остались вдвоем.

– Все не так просто? – я глянул на профессора.

– Пятьдесят на пятьдесят. Ада права, все мы не отключим. Можно обесточить важнейшие узлы. Аварийная перезагрузка компьютеров в космосе категорически не рекомендуется. Собьются все важнейшие настройки. Кроме того, мы вышли из плоскости эклиптики, и через несколько часов на такой скорости мы выйдем из зоны действия навигационных и ретрансляционных спутников. Некоторое время мы будем слепые, глухие и заблудившиеся. Но это не страшно. Меня беспокоит, почему прекратилась атака.

– Вам было бы спокойнее на мертвом корабле?

– Нет, но нас пока пугают. Скорее всего, удара не будет. Сейчас. Имея такие средства, нас, вероятно, попытаются перехватить позже. А пока нас заставили изменить курс, выйти в неконтролируемое пространство и обесточить корабль. Но у нас нет другого выхода. Скорее всего, нас видят. Сейчас корабль фонит на полсистемы, во всех диапазонах. И вести нас будут до самого конца, где бы он ни был.

– Визуально? Не радаром! Это какой же должен быть телескоп!

– Это не так сложно. Даже у нас на Матильде было двухсотметровое пленочное зеркало и электрооптическая матрица сверхвысокого разрешения. Мы видели планеты у ближайших звезд. А есть устройства намного солиднее. Так что можешь помахать в иллюминатор дяде ручкой.

Я показал в иллюминатор средний палец.

Профессор опять развернул пульт, сохраняя данные и отключая корабль. Гудение в рубке постепенно смолкало. Просто удивительно, как много звуков, когда на них не обращаешь внимание. Мне делать пока было нечего.

– Профессор, а как Ваш Малыш генерирует изображение? У нас только два электроионных пульта, у Вас и у меня, – я указал на два ребристых конуса на панели между россыпью приборов и экранов. Но эти буквы не были похожи на ЭИ, они были почти непрозрачны.

Я еще раз глянул на призрачный пульт в руках профессора.

– Тоже ЭИ, но лучшего качества.

– А где мониторы?

– Не твое дело.

Я заткнулся, посидел пять минут молча.

– Так, Глеб. Двигатели отключаем последними. Иди в конец коридора, возле шлюза распределительный щиток. Управление силовыми линиями не по волокнам, а по проводам. Их отключить надо будет вручную, в самую последнюю очередь, после двигателей. Когда я крикну, отключай все восемь тумблеров последовательно, сверху вниз, понял?

– Понял.

Ничего сложного. Восемь тумблеров.

Распределительный щит я нашел без труда. Крышка была сдвинута в сторону, наверно управлялась централизованно. В глубине – восемь маленьких тумблеров.

– Я готов.

В тот же миг я почувствовал, как вибрация прекратилась, наступила полная невесомость, свет погас. В крошечной темноте я попытался нащупать рукой тумблеры, но меня закрутило в невесомости, и я окончательно потерял ориентацию. Чертыхаясь и матерясь про себя, я шарил рукой по стене, пытаюсь нащупать проклятый щиток. Но рука везде скользила по гладкой стене. Я даже не мог предположить, в каком положении я нахожусь.

– Выключай быстрее, – донесся раздраженный голос.

– Не могу нащупать. Я потерял ориентацию.

– !!!

Я даже не предполагал, что профессор знает такие выражения.

– Держи!

В темноте блеснули проблески мерцающего света, – ко мне, вращаясь, через коридор летел фонарик. Справа. Значит, я висел вниз головой. Фонарик еще не долетел, но я уже сориентировался и успел заметить провал щитка. Подтянувшись, я защелкал тумблерами. Вот теперь в корабле наступила по-настоящему ватная тишина.

– Все в порядке. Я все выключил.

Нащупав фонарик, я полетел в рубку.

При свете профессор, наверное, испепелил бы меня взглядом. Так что я был благодарен темноте.

– Все, теперь спать. Кислорода в помещении не очень много, но на троих спящих хватит. Кто первый проснется, будит остальных. Но не раньше шести часов. Если не можешь уснуть, могу дать таблетку.

– Да нет, спасибо. Я вырублюсь и так.

– Молодой. А я без таблеток уже уснуть не могу. – Он уже удалялся.

Я разместился в кресле и попытался уснуть. Но сон не шел. Был или не было удара, мы сможем узнать только завтра, когда будем опять включать корабль. Я посмотрел в иллюминатор. Опять захотелось показать палец невидимому наблюдателю, но я сдержался. Видит он нас или нет? Наверное, да, хоть мы и обесточены, но корпус освещает солнце. Я-то вижу в иллюминатор кусочек антенны. В высокий и загнутый кверху иллюминатор из бронестекла заглядывали звезды. Им было абсолютно наплевать на трех букашек, потерявшихся в бескрайней дали космоса. И если завтра корабль будет по-прежнему мертвый и тихий, ни одна из них ни на йоту не потускнеет. Даже если эти самые букашки, проявляя чудеса отваги и находчивости, доковыляют до своей планетки, они все равно останутся такие же мертвыми и равнодушными, как миллиарды лет до нас и миллиарды лет после.

С этими безрадостными мыслями я заснул. У меня был очень трудный день.

* * *

Человек сидел за столом. На обычном плоском экране в бездонном пространстве космоса висел мертвый космический корабль. Изображение иногда подергивалось рябью, теряло четкость, когда аппаратура слежения корректировала наводку. Он был темным, от носа до двигателей, кольцом опоясывающих кормовую часть. Ни габаритных огней, ни освещения салона, ни инфракрасного излучения горячих двигателей, ни радаров навигации. Корабль молчал. Молчал он уже почти пять с половиной часов.

Человек размышлял.

Над пультом по короткой команде вспыхнули расчетные траектории объектов. Призрачная ярко-красная линия курса корабля поднималась над плоскостью эклиптики и уходила в

пространство, далеко за пределы Системы. Несколько тонких линий показывали положение ракет-перехватчиков. К ним уже направлялись корабли-сборщики. Потребуется приложить большие усилия, чтобы замять это дело с запуском ракет. Но все равно свою роль они сыграли. Ракеты-мишени заставили корабль резко менять курс, тратя драгоценное топливо. Произведенный залп двадцати ракет нарушил функционирование корабля. Правда, не совсем так, как это было задумано. Корабль либо полностью исправен и лишь имитирует аварийное состояние, либо полностью выведен из строя. И то и другое нарушает расчеты. Но, по крайней мере, в настоящий момент он находится в зоне, неконтролируемой навигационными спутниками. Для продолжения пути и выхода к цели назначения ему необходимо вернуться в плоскость эклиптики, войти в навигационную зону, сориентироваться и рассчитать новую орбиту. Или навсегда покинуть пределы Солнечной системы.

Человек принял решение.

Спустя несколько минут сразу на трех секретных объектах закипела работа.

Из глубины небольшого астероида выдвинулась улитка электромагнитной катапульты, и три небольших автоматических модуля были выброшены в направлении точки перехвата. На них не было хитроумных устройств, систем вооружения и защиты. Только универсальные стыковочные узлы, мощные двигатели и солидный запас топлива. Цель – состыковаться с поврежденным кораблем, погасить скорость и направить его на гелиостационарную орбиту. В пространстве вспыхнули три яркие звездочки, и модули начали стремительный разгон по направлению к цели.

Одновременно с двух других баз стартовали еще две группы пилотируемых модулей-перехватчиков. Эти корабли направлялись в точки наиболее вероятной встречи с исправным кораблем-целью.

И еще один корабль лежал на попутном курсе, постепенно догоняя. Но ему лететь еще долго.

Человек взмахнул рукой, опять развернув ЭИ пульт. Последние файлы. Оперативная обстановка.

После неудачной попытки захвата корабля на Иде руководство ВКС было проинформировано об инциденте, произошедшем на астероиде. Начато расследование. Четверо военнослужащих ВКС погибли, трое пропали без вести. Космический корабль «Алгол», пилотируемый профессором Иосифом Шкловским, повредив крепления причального модуля, стартовал без санкции руководства базы. Кроме него, на борту корабля находится его дочь, Ада Шкловская, и военнослужащий ВКС Глеб Быстров, предположительно причастный к чрезвычайному происшествию, приведшему к гибели двоих военнослужащих. В настоящий момент связь с кораблем потеряна. Предположительно, корабль выведен из строя ракетой «ТОВ», похищенной со склада базы «Дельта». Начато расследование. Ведутся поиски корабля.

Восстановлено управление грузовым модулем CR-303, который из-за сбоя в системе управления совершил опасное сближение с астероидом Дактиль, на котором хранились запасы топлива. В настоящее время опасности нет, модуль возвращен на исходный курс. Начато расследование.

Человек покачал головой. Еще ни одна операция по захвату корабля не требовала вложений стольких сил и ресурсов. Надо полагать, что приз себя окупит. Общий вариант развития событий складывается благоприятно. Необходимо только еще раз просчитать все возможные варианты развития событий и предусмотреть все, даже самые маловероятные отклонения. В настоящий момент ситуация соответствовала третьему варианту плана.

Уничтожать астероид не было никакого смысла. Виновники инцидента мертвы. А лишний взрыв – это еще одно серьезное расследование. Привлекать внимание ни к чему.

Единственный не до конца просчитанный фактор – десантник Глеб Быстров. Виновник срыва первоначального плана. Он должен был остаться на астероиде, а его место занять дру-

гой, либо не занять никто. Но теперь и ему найдется место. Опальный сержант, совершивший преступление и скрывшийся на корабле. Он вполне может стать причиной гибели «Алгола».

Человек взглянул на экран: там медленно проворачивалось серо-серебристое изображение «Алгола», подсвеченное далеким светилом. Детали конструкции вспыхивали в свете Солнца и пропадали, уходя в тень. Лицо человека пробороздила кривая улыбка. Он чувствовал себя охотником и знал, что дичь от него никуда не денется.

«Космос бесконечен, вот только путей в нем не очень много».

* * *

Пробуждение было быстрым, с легким приступом паники. Мне показалось, что я все еще на базе и скоро надо будет заступать на дежурство. Но, нащупав под рукой неудобный подлокотник пилотажного кресла, вспомнил все прошедшие события.

Через иллюминатор была видна полоска звезд и фрагмент антенны, серебриющийся в свете Солнца. Призрачный серый свет проникал сквозь загнутае стекло высокого иллюминатора и немного рассеивал непроглядную тьму рубки. В этом сером свете корабль выглядел пугающе мертвым.

– Проснулся? – раздался рядом женский голос.

Я повернул голову и попытался разглядеть Аду. С трудом, но мне это удалось. Она сидела в соседнем кресле, подбрав под себя ноги и посасывая какую-то палочку.

– Который час?

– Не знаю, ни одни часы не работают.

Я попытался всмотреться в свои часы. Ничего не видно. Черные стрелки на сером фоне абсолютно сливались.

Где-то здесь должен быть фонарик.

Я зашарил рукой под креслом, в креплении фонарика не было. Вчера профессор запустил им в меня. Я принес фонарик обратно. Куда же я его засунул? Никуда я его не засовывал. Просто бросил. Теперь, в невесомости, он мог быть где угодно.

– Ада, где-то здесь, в рубке должен валяться фонарик, надо его найти.

– Зачем его искать, вот он.

Она щелкнула креплением и отстегнула фонарик из своего кресла. В темноте вспыхнул ослепительный луч света. Она осветила на меня, и мне пришлось отвернуться. Свет резал глаза.

– Убери!

– Хорошо, посмотри, сколько времени прошло.

Я глянул на часы. Часы стояли.

– У меня три сорок универсального.

– У меня три сорок восемь. Это время, когда мы отключили корабль.

– А что ты делаешь в рубке?

– Мне стало душно, и я проснулась. В невесомости углекислота скапливается возле человека. Вот я и приплыла сюда. У тебя прохладнее, и воздух чище.

– А как там профессор? Не задохнется?

– Нет, я там маечкой помахала.

– Так ты сейчас без маечки?

– Иди к черту.

Я усмехнулся. Наверное, она покраснела.

Она пощелкала какими-то переключателями.

– Знаешь, Глеб, аварийные ремни не работают.

– Конечно, корабль обесточен.

– Да нет, это аварийная система, она встроена в кресло и имеет собственный источник питания. Ее не отключишь. А сейчас она включена, но не работает. Наверное, нас все-таки достали.

В ее голосе прорезались панические нотки.

– Посвети фонариком и посмотри выключатели.

Она посветила на основание кресла, там был небольшой пульт с тремя переключателями.

Я перегнулся с кресла и защелкал переключателями. Ада успела только пискнуть, когда ее вдруг спеленало эластичными ремнями в той позе, как она сидела, вернее, висела в кресле. Теперь она напоминала пойманного таракана.

Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Видишь, все работает. Значит, нас не достали, все в порядке, все исправно, и мы сейчас включим корабль и полетим дальше.

– Убери эту штуку с меня!

– Как скажешь.

Я отключил аварийную систему. Ремни отстегнулись и черными змейками уползли обратно в недра кресла.

– Девочка, – я постарался говорить как можно более наставительно, – никогда не надо паниковать. Тем более не разобравшись в ситуации.

У меня остановились часы, потому что хваленая швейцарская «Омега» не выдержала перегрузок и сломалась. На Земле куплю новые часы. А твоя изящная безделушка постоянно сверяет время через порт корабля в Сети, а так как корабль отключен, связи нет, и часы остановились. Ты, девочка, настолько привыкла к компьютерам, что не замечаешь самых простых вещей.

– Прости, я опять испугалась.

– Зачем ты, такая пугливая, в космос поперлась? Сидела бы на Земле, в колледже, ходила бы в бары и на дискотеки, целовалась с мальчиками. Космос – не место для прогулок. Он действительно опасен.

– Я знаю. – Она погрустнела. Корабль провернулся, и на фоне чуть посветлевшего иллюминатора обрисовался ее контур. Она теребила в руках выключенный фонарик. – Это из-за отца. Понимаешь, когда мама умерла, мне было пять лет. Я ее почти не помню. Всю жизнь меня воспитывал папа. Но сейчас он болен. Он не может покинуть космос вот уже четыре года. На Земле или другой планете он умрет. Даже на Луне ему нельзя находиться более суток. А я – это все, что у него есть. И у меня только он один. Он стремится, чтобы мы виделись как можно чаще. Но ты сам представляешь, насколько это сложно. Даже этот корабль – это из-за меня. Я знаю. Он хороший, я его очень люблю. Но мы не можем постоянно быть вместе. А в этот раз я заслужила титул первой красавицы колледжа. – Она запнулась. Видимо, заслужить титул было далеко не так просто, но я не стал уточнять. – После этого появилась возможность слетать на экскурсию в пояс астероидов, на Церере.

– На Церере ты тоже победила в конкурсе красоты.

Она улыбнулась.

– Это было несложно. Там всего около двухсот женщин, большинству под сорок, конкуренция была слабая. Да и сам конкурс проводился скорее, как развлекательное мероприятие. Кстати, мне подарили здоровенный булыжник, сказали, что это алмаз.

– Вполне возможно, на Церере крупный разлом, там их добывают.

– Вот, а потом за нами стали охотиться. На Церере папу чуть не убили, но мы убежали. Папа прошел через три спецхранилища, вскрыл шесть дверей с какими-то сверхсекретными замками, забрал меня, и мы улетели. Мотом была Матильда. – Ада помолчала. – Когда мы прилетели на Матильду, там уже побывали эти люди. Они как-то вывернули радиотелескоп и включили его на полную мощность. – Она всхлипнула. – Представляешь, все кто там был, под-

жарились, как в микроволновке. Когда мы прилетели, все металлические конструкции были еще раскаленные. Внутри мы не смогли войти, электроника сгорела, а механические приводы были заблокированы или испорчены. Папа как-то забрался внутрь, но быстро вылез и сказал, что мы улетаем. После этого мы прилетели на Иду. Остальное ты знаешь.

– Надо было мне раньше рассказать. А за чем они охотятся, ты знаешь?

– Я догадываюсь, но папа не рассказывает. Для моей безопасности. Это какой-то компьютер.

– Скорее не компьютер, а программа в этом компьютере. Машина, которая пытается идентифицировать себя как личность. Я понял это так. Ладно, пора будить твоего папу и реанимировать корабль. Я думаю, что мы уже далеко улетели.

– Не очень далеко. Мы не успели набрать большую скорость.

– Тем более.

– Подожди, пусть поспит немного. Он принял таблетки, теперь часов восемь он должен отдохнуть.

– Ты можешь запустить все системы корабля?

– Нет.

– Я тоже. Единственный человек, который разбирается во всей аппаратуре – это профессор. Мы не знаем, что нам еще приготовили ваши друзья, но судя по тому, что вы от них ушли уже четыре раза, они стоят на ушах и сделают все, чтобы вас заполнить. А отдохнем, когда ситуация будет под контролем.

– Ты знаешь, когда-то я тоже хотела стать астрофизиком, как папа. Слушать звезды, искать братьев по разуму. Разгадывать загадки Вселенной, но потом увидела, что космос делает с людьми, и испугалась. Люди ломаются. И физически, и духовно. Один папин друг вернулся калеккой. Он был командиром корабля, и в полете что-то случилось. Какая-то авария. Из-за разгерметизации половина экипажа погибла, пока подоспела помощь. А остальные стали инвалидами. У них кипела кровь, разрывались кровеносные сосуды внутри тела. Теперь все они даже ходить не могут. А командир даже на больничной койке только и говорил, что о космосе. Я часто приходила к нему. Он рассказывал всякие истории. В основном, веселые. Потом он покончил с собой. Выпил таблетки и заснул. Я ненавижу космос. И каждую секунду боюсь. Но я не могу оставаться на Земле, пока мой папа здесь. Я постараюсь быть рядом с ним. Он ведь тоже любит Землю, но она для него закрыта.

Я молчал, не зная, что сказать. Потом протянул руку, сжал ее ладошку.

– Не беспокойся, твой папа самый умный человек на свете. Я хороший солдат. Мы вместе не дадим тебя в обиду. Успокойся, скоро мы прилетим на Землю.

Она не ответила, приподнялась над креслом и ушла. Наверное, будить отца. Я остался один в темной рубке. На душе было тоскливо. Я сам уже не первый год вне Земли. Видел и прекрасно знаю все эти оборотные стороны нашей жизни. Я тоже видел результаты резкого перепада давлений. Здесь, в космосе, аварии происходят, если и не чаще, чем на Земле, но последствия всегда тяжелее. А какого дьявола я сам поперся в космос? Наверное, деньги, престижная должность, слава героя-космопроходца. Ореол романтики. Сейчас я знаю, что романтика закончилась после второй смены дежурства в пункте управления. Полгода жизни в одном месте, где нет ничего, кроме серых коридоров, отбивают все юношеские мечты. Но все равно туда тянет опять. Те, кто не выдерживает, кому это не дано, уходят сразу. Другие остаются. Навсегда. А может, мне действительно плюнуть на все и правда поискать место где-нибудь на Аляске? По крайней мере, там везде можно дышать, просто ходить по земле, а не подпрыгивать. Воду пить прямо из лужи. Окружающий мир тебя любит, а не стремится при первом удобном случае убить. Ладно, подумаем. А пока надо прилететь на эту самую Землю, по возможности сохранив кости целыми, а кровь внутри организма в жидком виде.

Через несколько минут появились мои товарищи.

- Доброе утро, профессор.
- Сейчас не утро, а вечер, если уж на то пошло.
- А вы знаете, который час? Наши часы встали.

– Да, четверть девятого по универсальному времени. Пора запускать корабль. Глеб, включите те рубильники, которые вы отключали, только сейчас наоборот – снизу вверх. Справитесь? Профессор, кажется, был не в духе. Может, и правда надо было дать ему немного поспать.

- Справлюсь.

Я полетел опять в конец коридора, прихватив с собой фонарик. Включил восемь тумблеров и вернулся назад. На этот раз без приключений.

Корабль постепенно наполнялся гудением и шумами ожившей аппаратуры.

Вспыхнуло аварийное освещение. В рубке оба ЭИ пульта с завидной синхронностью демонстрировали длинные ряды цифр и символов.

– На полную проверку и тестирование всех систем уйдет не меньше суток. Но мы этого делать не будем, – бормотал профессор, обращаясь скорее к себе, чем к остальным. – Самое главное – вернуть управляемость кораблю, проветрить помещения и сориентироваться.

Нам с Адой делать было абсолютно нечего, поэтому мы сидели и любовались на шаманство профессора.

Ада стогняла куда-то и принесла нам прозрачные капсулы с соком и мятные палочки.

- Перекусим, когда восстановится сила тяжести. Или мне сейчас что-нибудь придумать?
- Лучше сейчас, мы пойдем с ускорением в два G – кушать будет неудобно.
- Хорошо, только я сначала умоюсь.

Ада опять упорхнула.

Я надкусил край капсулы и выдавил ароматную жидкость в рот, потом залпом выпил остаток. Профессор с наслаждением хрустел мятной палочкой, засунув ее в рот целиком и не отрываясь от манипуляций с пультом.

Компьютеры переварили свои цифры, и теперь оба пульта рассыпались роем веселых искр приветственной заставки.

– Так, порядок. Операционная система загружена. Теперь дело за тестированием. В воздухе вспыхнули многочисленные графики, диаграммы и ползущие линейки прогрессии. В рубке, наконец, полумертвое красное аварийное освещение сменилось обычным. Я глянул в иллюминатор. Там была пустота.

- Профессор, куда делись звезды?
- Звезды на месте, я затемнил иллюминатор.
- Зачем?
- Если нас ведут визуально, освещение рубки будет видно.
- Когда мы включим всю аппаратуру, нас все равно увидят.
- Я надеюсь, что когда мы включим всю аппаратуру, то корабль уже будет разгоняться.

Через двенадцать минут проверка двигателей, через шесть – проверка системы навигации и ориентирование.

- Насколько я понимаю, мы вышли из зоны контроля. Как мы сориентируемся?
- Визуально.

Мне показалось, что я ослышался.

Профессор хитро посмотрел на меня.

- Да, я гляну на звезды и скажу, где мы находимся.

Не зря его считают чокнутым.

- Тогда откройте иллюминатор. Я тоже хочу попробовать сориентироваться по звездам.
- Пожалуйста, молодой человек, но мне кажется, что у вас это не получится.

Иллюминатор посветлел, и на меня опять глянула бездонная чернота космоса с россыпью звезд. В принципе, сориентироваться можно, зная угловое расстояние между небесными

объектами. Профессор астрофизик, для него небо – это открытая книга. Даже я, раз в неделю выползающий на поверхность Иды, могу распознать знакомые созвездия.

Профессор расположился у меня за спиной. Перед нами была узкая полоска загнутого стекла, начинающаяся от пола и в высоту моего роста.

– На самом деле это не так сложно. Вон та яркая звездочка – это Церера. Правее и ниже, мерцающая – Сигма-5. Угловое расстояние между ними – примерно восемь градусов. Выше, практически в створе с Бетельгейзе – Дельта, ваша база. От нее до Цереры – семнадцать градусов. Я могу назвать еще десяток объектов, но пока хватит и этого. Итак, молодой человек, мы имеем три объекта и три угла. Для определения своего местоположения вполне достаточно.

Он повернулся к пульту.

– Карты еще погружены не в полном объеме, но нам нужен только наш участок.

Он коснулся пальцем нескольких точек в воздухе, и под его рукой в воздухе затанцевали три маленьких астероида.

– Чертим три угла.

Он провел рукой три линии от астероидов, в пространстве загорелись три тоненькие паутинки. Я, как замороженный, смотрел на это священнодействие. На пересечении линий загорелась крохотная звездочка.

– Малыш, я прав?

«Почти, профессор. Для наглядности сгодится. А мы здесь».

В воздухе ярко вспыхнуло переплетение линий, наложившись на схему профессора. Ярко-красные выбранные астероиды почти совпали, а корабль сместился вправо и вниз. Возле него загорелась колонка цифр с координатами. Заалела пунктирная линия курса корабля.

– Вот и все ориентирование. Все просто.

Профессор был явно доволен произведенным эффектом.

Корабль вздрогнул. Вместе с ним вздрогнул и я.

– Что это?

– Проверка двигателей. Сброс инертной массы, очистка.

В рубке возникло большое изображение корабля. Ярко-желтым светилось кольцо силовой установки. Возле каждого двигателя змеились какие-то графики и дергались диаграммы. Потом диаграммы начали успокаиваться и застыли все в зеленых секторах.

– Все, проверка завершена. Через восемнадцать минут можно разгоняться, надо только нарастить давление в системе и синхронизировать поля.

«Профессор, у нас нет этих восемнадцати минут. Посмотрите в иллюминатор».

Мы вместе повернулись направо.

– Где?

В пространстве перед нашими лицами возникли стрелки, указывающие куда-то вниз. Там, в пространстве, светились три маленькие звездочки, образующие правильный треугольник.

– Что это?

– Система навигации не активирована, идентификация невозможна. Предварительный прогноз – аварийно-спасательные модули SCT-13.

– Скаты.

– Скорее всего, да.

– Теперь вопрос, кому они принадлежат. Нашей аварийно-спасательной службе или вероятному противнику.

– Вряд ли это наши. Чересчур уж оперативно. Они заранее знали, куда стартовать. Это не помощь, это перехват. Профессор, надо принимать меры.

– Малыш, прогноз.

«Спектр излучения двигателей характерен для модулей «SCT-13», в режиме максимального торможения. Замедление – до -28G. Автоматический режим. Расстояние – около 5000 км. Время контакта – около 7 минут. С высокой вероятностью – это противник».

– Профессор, мы можем их сбить?

– Нет, система защиты еще не активирована. Еще бы минут десять. Да и сложно нашим лазером их сбить.

Мои мозги закрутились с бешеной скоростью.

– Док, у нас только один выход.

– Да, я слушаю.

– Мне надо выйти на корпус корабля и расстрелять их вручную в момент стыковки. Я знаю эти системы. У них универсальные стыковочные узлы и магнитные захваты. Пока не пристыкуются все три, они не активируют двигатели. Мне надо повредить хотя бы один модуль или хотя бы стыковочный узел. Не дать им синхронизироваться. Затянем время, а там вы подготавливаете лазер, и мы их собьем с себя.

– Давай, с Богом. Только не стреляй ядерными, по крайней мере, рядом с кораблем.

– Малыш, полную информацию по «Скатам» дай Глебу в аудиорежиме в скафандр.

Когда я влезал в свой скафандр, чертыхаясь про себя, в наушниках начал бормотать занудный голос. Я застегнул последнюю застежку и, даже не проверив герметичность, наплевав на все инструкции, прыгнул в шлюз. Переборка лязгнула у меня за спиной. Подсоединив фал, я все-таки глянул на датчик герметичности. Спокойный зеленый огонек немного успокоил. Компенсатор скафандра все-таки барахлил. От резкого перепада давления заложило уши, захотелось заорать. Я и заорал, чтобы немного компенсировать давление. Голос в наушниках с монотонного сменился на обеспокоенный профессорский.

– Что случилось?

– Все нормально, давление выравниваю. Где вы это дерьмо откопали?

– Украл. Больше не кричи. Включи компенсатор, он на груди, зеленая большая кнопка справа.

Я ткнул перчаткой в кнопку – стало легче. Внезапно чуть разошлись створки люка, меня бросило вперед. Профессор не стал откачивать весь воздух, а просто стравил его в пространство. Диафрагма открылась полностью, и я стал озираться, ища противника. Опять передо мной открылась исполинская бездна космоса. Вокруг висело кольцо силовой установки с длинными конусами двигателей на мощных консолях опор. «Аргумент», пристегнутый к руке, казался игрушкой.

«Выходи из шлюза, проходи сквозь двигатели, по направлению габаритного огня.»

На конце консоли одного из двигателей замигал огонек.

«Поторопись, у тебя две минуты».

Я оттолкнулся и проплыл по направлению огня. Ухватился за решетчатую ферму консоли и протиснулся на поверхность корабля. Вот это да! Я не предполагал, какой он огромный. Из корпуса корабля на несколько десятков метров в разные стороны расходились «крылья» топливных кассет. Конечно, с такими движками и топлива надо немерено. На концах крыльев – стрелы антенн навигации. Корабль был красив, своей неземной красотой и завершенностью форм он напоминал звездную птицу.

«Внимание, расстояние шестьсот километров. Противник начал маневр стыковки», – прошелестело в наушниках.

Черт возьми, где они? Они, значит, разошлись в разные стороны и сейчас обходят с разных сторон.

– Малыш, расскажи, где у них слабые места, куда лучше стрелять.

В наушниках тотчас отозвалось: «С наружной части корпуса модуля технологический люк, он титановый, под ним процессор и технологические разъемы. Один выстрел сквозь люк

выведет модуль из строя. Низ модуля усилен керамической защитой. Уязвимы места соединения корпуса с антеннами навигации и связи, сочленения манипуляторов. В оптические выходы камер не стреляй – бесполезно. Постарайся не повредить топливные элементы и двигатель – опасно. У двигателя высокая температура. Постарайся близко не приближаться. Я поддерживаю визуальный контакт. При необходимости, помогу сориентироваться в обстановке на месте».

– Ты лучше скажи, где они!

«Они завершили маневр обхода и сейчас приближаются с трех сторон. Ты находишься точно посередине, между направлением стыковки двух модулей. Расстояние триста восемьдесят километров. Они еще за пределами зоны видимости».

– Глеб, может, закрутить корабль? Им придется маневрировать, выиграем время.

– Ни в коем случае! Они не будут маневрировать, все равно вцепятся, как бы корабль ни крутился, их так сконструировали. А мне будет сложнее в них попасть.

Вдалеке вспыхнула крошечная искорка света.

«Внимание, они сбрасывают скорость. Расстояние двести километров. Скорость – тридцать два километра в секунду. Время контакта – тридцать секунд».

Перехватить пистолет. Снять с предохранителя. Выбрать бронебойные заряды через один с термическими. Снайперский, да нет, к черту автоматический режим. Дослать патрон в патронник. Оружие в готовности.

Еще одна вспышка, уже поближе.

– Расстояние сто, скорость семнадцать, время двадцать секунд.

– Расстояние семьдесят, скорость восемь, время двенадцать секунд.

– Расстояние тридцать, скорость четыре, время восемь

– Семь.

– Шесть.

– Не стреляй, пока не развернутся манипуляторы для стыковки

– Три. Они в пределах видимости

Они давно в пределах видимости. Вспышек двигателей. А сейчас плоское темное тело «Ската» с длинным загнутым гребнем вырисовывалось и увеличивалось прямо на глазах. Яркая вспышка.

– Две.

Перехватить поудобней пистолет. Вот дьявол! Эта сука садится прямо на меня. Раскрылись щитки, выскользнули ноги манипуляторов, распрямились. Как ее достать сверху? Никак. Похожа на ястреба, они так же хватают добычу. Ближайшее сочленение манипулятора – справа. Рядом выход антенн из корпуса. Два глаза камер. Смотрят на меня. Смотрите.

– Одна.

Черт! Какой горячий двигатель. Обжигает даже через скафандр. Отходить нельзя. Не попаду. Вон то сочленение. Железное и толстое.

Пора. «Аргумент» ожил в моей руке. Огненные шмели вонзились в место выхода ноги из тела. Искромсанные куски стали и керамики рванулись в разные стороны. Вспышки термических патронов напоминали электросварку. В наушниках что-то кричали разные голоса, надрывались красные лампочки. Но нога явно заклинила. Осколками снесло камеры. Правильно, нечего тут смотреть.

Модуль судорожно дергал конечностью, пытаюсь ее стабилизировать и зафиксировать. Не получалось. И не получится. Теперь заключительный этап. Подпрыгнуть изо всех сил. Снайперский режим. Увеличение 3X. Стабилизация. Цель – маленький лючок на носовой части модуля. Очередь. Все. На месте лючка – рваная дыра. Модуль замер в наклонном положении.

Так. Осталось еще два. Рывок. Что такое? Фал. Мешает. Надо отстегнуть. Короткая команда на пульте левой руки. А где пульт? Надо же, это не боевой скафандр, а строительный. Фал не отстегивается. Хуже. Надо приспособиться. Рывок за фал, сгруппироваться. Ухватиться за ферму. Цель – второй модуль. Вот и цель. Развернута двигателем ко мне. Не для буксировки корабля. Для атаки. Все равно. Уязвимое место с противоположной стороны. Рывок за фал. Сгруппироваться. Оттолкнуться. Обогнуть консоль. Консоль вспыхнула и раскалилась. Атака. Прыжок вверх. Ухватится за антенну топливной кассеты. Вот внизу модуль. Потерял меня. Хорошо. Снайперский режим. Увеличение 10X. Стабилизация. Очередь. Все. Цель поражена. Третья цель. Вспышка двигателя. Цель стартовала. Снайперский режим. Увеличение 100X. Стабилизация. Ядерный боеприпас. Дальность 1300, 1800, 2300. Вспышка двигателя. Противник маневрирует. Дальность 3100, 4200. Необходима опора для стабилизации. 5800, 6800. Предел. Огонь. Три рывка. Полетное время восемь секунд. Шесть. Три. Одна. Яркая вспышка. Цель поражена. Задание выполнено. Вернуться. Оттолкнуться от фермы. Консоль двигателя. Рывок. Переходной шлюз. Что за обрывок фала? Выбросить, а то не закроется диафрагма. Кнопка герметизации? Не надо. Уже закрывается. Закрывать глаза. Отключиться.

* * *

Человек сидел в кресле. Обычно бесстрастное лицо на этот раз избороздили глубокие морщины. Он в раздражении комкал в руках пластиковый лист с фотографией. Так хорошо разработанный план потихоньку летел ко всем чертям. Случайные факторы нарушали разработанный порядок действий. Человек не любил случайностей. А сейчас набор непредусмотренных событий ломал все расчеты. Дичь ускользала. Даже не просто ускользала. Она насмеялась над ним. Три автоматических аварийных модуля с поддержкой операторов в течение минуты уничтожены и превращены в груды бесполезного металла. Один-единственный человек, без боевой защиты, без тяжелого вооружения, только с ручным стрелковым оружием блестяще разделался с тремя космическими кораблями, рассчитанными на тяжелейшие аварийные условия. Мало того, один корабль уничтожен полностью, с двух других сняты топливные элементы для дозаправки. Корабль-цель даже не поврежден. Теперь он получил возможность маневрирования, с ускорением в два G поднимаясь еще выше над плоскостью

эклиптики. Он уже набрал скорость в четыреста двадцать километров в секунду и продолжал ускоряться. Расчет ясен и понятен. В верхней точке изменить курс и почти по прямой двинуться к земле. Плевать теперь ему на оптимальные орбиты, небесную механику, навигацию и прочие прелести. Он в пустом пространстве. Вне зоны контакта и перехвата. В зону навигации он войдет вблизи околоземного пространства. Там перехватить корабль будет невероятно сложно. Он уже послал сигнал бедствия. Вся аварийно-спасательная система уже стоит на ушах. Вместе с силовыми структурами половины правительств. Выход один – использовать тяжелое вооружение и уничтожить корабль сейчас.

Человек тяжело встал из-за стола, подошел к окну. Долго смотрел сквозь бронированное стекло на пейзаж за окном. Он не любил проигрывать. А уничтожение корабля – это явный проигрыш. Не просто проигрыш, а шанс стать посмешищем. Имея такие ресурсы, силы и средства, просто невозможно не захватить какой-то маленький корабль. Но еще труднее объяснить свою неудачу. Проиграть невозможно. Задача должна быть выполнена любой ценой. Ни деньги, ни корабли, ни жизни не играют определяющей роли. Важна только цель.

Вполне возможно, что, потерпев в очередной раз неудачу, вместо оправданий придется покончить с собой. Человек знал, что без колебаний сможет это сделать. Не справиться с простым заданием, потерять лицо, навсегда быть опозоренным – что может быть хуже? Только смерть может принести искупление. И очищение.

Но пока до этого еще далеко.

Человек подошел к столу, открыл изящную коробочку, стилизованную под космический корабль, достал сигару и вдохнул ароматный запах. Затем повернулся к окну и закурил. Тяжелые клубы дыма поползли вверх, серыми слоями повисли в воздухе. Человек опять повернулся к столу, взял в руки коробочку из-под сигар, повертел. У него начало созревать решение.

Тоненько пискнул сигнал вызова. Над столом светился логотип почтовой программы. Получено сообщение. На декодирование и перевод – две минуты.

Опять! Над столом вспыхнули ярко-красные буквы одного слова.

«Результат».

Странно. Кто бы там ни находился, на той стороне луча, он никогда не отличался нетерпеливостью. Требование результата, не доклада о проделанной работе. Докладывать пока нечего. Результат отрицательный.

Человек подсел к пульта.

«Операция продолжается».

Долгая пауза. Гораздо дольше, чем требуется на передачу и декодирование. И после совсем уж неожиданное:

«Что-нибудь нужно?»

Человек понимал, что это не предложение помощи. У него был доступ к практически неограниченным ресурсам. Спрашивающий и отвечающий знали, что ответ на этот вопрос будет отрицательным. Попросить что-нибудь в данной ситуации означало потерять лицо. Признать свою несостоятельность, что совершенно недопустимо. Вопрос означал, что в него верят. Знают, что он делает все, на пределе своих возможностей. И результат будет. Результат был всегда.

– НЕТ.

Человек смахнул со стола почтовую программу. И вызвал еще раз графики курсов кораблей. Над столом засветилась паутина линий. «Алгол», который сейчас разгонялся, поднимаясь примерно под углом в тридцать градусов к плоскости эклиптики, корабли-перехватчики, которые сейчас были далеко и сейчас возвращались на базы. Резервный корабль, который стартовал с Иды и преследовал «Алгол». Но по скорости у него шансов не было. Человек задумался. Нет. Только у него и был шанс.

Человек принял решение.

Он активировал прямую одностороннюю связь с преследующим кораблем. И обрисовал задание. Лицо пилота на экране побледнело. Такое задание было самоубийственным. Но на это было наплевать. Только два варианта. Либо выполненное задание, либо смерть.

С ближайшей базы к кораблю стартовали три «Ската». Через сорок минут они пристыкуются и разгонят корабль при пяти G в течение четырех часов до семисот километров в секунду. Затем свободный полет, торможение до четырехсот. «Скаты» отстыкуются, корабль будет поврежден и выведен из строя над плоскостью эклиптики, на гиперболической орбите. Повреждения должны быть масштабные, хорошо видимые снаружи. Вариант – столкновение со «Скатом». Пробоина в корпусе, разгерметизация. В планируемой точке встречи экипаж «Алгола» получит сигнал бедствия. После этого пилот должен захватить корабль со всем оборудованием и вернуть его на базу. Классический вариант «троянского коня».

Пилот через силу выдавил: «Есть, сэр».

Человек заключительную часть инструкции выдал в текстовом виде.

«При неудаче спасательные работы проводиться не будут. В случае успеха твой призыв – «Алгол»». Человек знал, что такое кнут и пряник.

* * *

Противное жужжание лезло мне в ухо, я никак не мог от него отделаться. С великим трудом разлепив глаза, я увидел только яркую белую поверхность. Чуть позже пришла разла-

мывающая, тупая головная боль. Горло было, как наждачка, страшно хотелось пить. Голову повернуть я боялся. Там, внутри, здоровенный чугунный шар, он перекатится и окончательно разломает мне череп. Потом пришла ноющая боль во всем теле. Превозмогая себя, я повернул голову влево. Какие-то лампочки. Голова не поворачивается, что-то во рту мешает. Какая-то трубка. Я сжал ее зубами, и в рот прыснула холодная влага. Как здорово! Я с наслаждением напился. Голова чуть-чуть прояснилась. Так, слева прозрачная стенка, за ней коридор. Лицо щипало и зудело. На руках провода. Я чуть-чуть приподнял голову. Дальше не давал светящийся потолок. Понятно, я в кибердиагносте. Голый. Интересно, как я умудрился сюда вляпаться?

Нашарив кнопку, я надавил на нее, стеклянная стенка уехала вверх, а мое ложе с аппаратурой выдвинулось на середину коридора. Я с трудом приподнялся, отклеивая провода с датчиками, сел на ложе. Сидеть было тяжело, хоть сила тяжести в половину от нормальной. Но все равно надо оглядеть себя. Оказывается, я не совсем голый. Имеется маленькая тряпочка, даже не тряпочка, а носовой платочек. Я прибью эту девчонку!

– Ты зачем встаешь? Немедленно лезь обратно!

Не успела появиться, так еще и командовать будет.

– Дай мне одеться.

– Куда тебе одеваться, посмотри на себя.

Я посмотрел. Кожа красная, покрытая каким-то липким гелем. Ну и что, с платочком, что ли, ходить.

– Принеси одежду. Это твой платочек?

Она усмехнулась. И хитро посмотрела на меня.

– Мой. Знаешь, а ты ничего.

– Знаю. Долго разглядывала?

Она фыркнула и убежала, наверное, за одеждой. В голове вокруг чугунного шара летала стая рассерженных мух.

Через четверть часа, когда я с трудом натянул свой комбинезон, мы собрались в рубке. Ада протянула мне чашку с кофе.

– Как себя чувствуешь, герой?

– Паршиво. Может, расскажете мне, что к чему, а то я что-то плохо помню. Я вылез из корабля пострелять по «Скатам». Я помню, как они садились, а потом у меня крыша поехала. Очнулся в инкубаторе.

Ада чуть не подскочила в кресле.

– Я еще никогда такого не видела! Ты должен был постараться повредить хотя бы манипулятор одного модуля, чтобы он не закрепился и они не утащили корабль. Вместо этого ты разнес два модуля и спалил третий. Причем третий ты уничтожил ядерной пулей на расстоянии восьми километров! А до этого ты оборвал фал и, как обезьяна, прыгал по всему кораблю. Между прочим, по фалу подавался кислород. А обжегся ты, когда постоял возле двигателя модуля, это раз, а еще второй «Скат» попытался сжечь тебя двигателем, но ты убежал, а потом расстрелял его.

– Кстати, чтобы тебя вытащить, скафандр пришлось разрезать, металлические застежки сплавились. На нем было множество микропорывов. Удивительно, как он еще выдержал. После обрыва фала у тебя оставался воздух только внутри скафандра, и ты все равно сражался.

– Да что там рассказывать, посмотри сам.

Профессор включил запись, и я со стороны полюбовался на свое безумство.

– А как я порвал фал?

– Неизвестно, может, его перебило рикошетом или осколком, может, ты сам его оборвал.

На записи это не видно.

– Да, я вспоминаю, что он мне мешал. Я хотел его сбросить, но пульта не было на руке. Кстати, сколько времени я прыгал?

– Ты разделался с модулями за сорок семь секунд. Через пятьдесят восемь ты был уже в шлюзе. Посмотри, хронометраж внизу.

Я обалдело смотрел запись. Не может такого быть. Я же себя знаю, на такое может быть способен супермен из мультиков, но не я.

– Профессор, как такое возможно?

– Есть разные пути. Первое и самое неприятное – это психокодирование. В тебя на подсознательном уровне внедрили боевую программу, которая активизируется в экстремальной ситуации. Из тебя сделали боевую машину, хоть сам ты об этом и не догадываешься. В бою у тебя снижается болевой порог, увеличивается скорость реакции, мышечный тонус. Второй вариант – это разнообразные, так называемые боевые, коктейли. Набор психотропных препаратов, наркотиков и так далее (здесь я не специалист), которые приводят к тем же результатам. Третий вариант – это комбинация двух перечисленных.

– Я не принимал никаких препаратов.

– А это не обязательно, ампула может быть вшита под кожу и активизироваться химическим способом, например, переизбытком адреналина. В любом случае результат применения налицо. Ты все-таки спас наш корабль и меня с дочерью. Мы тебе очень благодарны. За эту минуту ты в предельно экстремальном режиме сжигал свой организм. Как видишь, больше чем на минуту тебя не хватило, потом перегруженный мозг отключился. Когда мы вырезали тебя из скафандра, ты был без сознания.

– Ты не представляешь, сколько мы тебе всего вкололи, чтобы компенсировать утраченное.

– Долго я был без сознания?

– Почти час, потом ты уснул и проспал почти тридцать часов.

У меня было еще много вопросов, но сейчас я почувствовал, что надо бы еще немножко вздремнуть. Я очень устал.

– Профессор, с Вашего позволения я еще отдохну.

– Конечно, можешь занять мое место в каюте.

– Спасибо.

– Кстати, почему после тридцати часов мы еще ускоряемся?

– Папа вылез после тебя наружу, поснимал с модулей топливные элементы и вставил их в корабль, а модули сбросил.

Профессор рассмеялся мелким каркающим смехом.

– Да, эти уроды хотели нас схватить, а вместо этого подзаправили. У нас теперь топлива много, мы идем по безопасной траектории вне зоны, в комфортабельном режиме. Сила тяжести – 0,3 G. Я не люблю полную невесомость. Через двадцать два часа мы совершим маневр и ляжем на курс к Земле. Там нас уже ждут. Я послал сигнал бедствия, корабли Спасательной службы наготове. Полицейские силы уже ищут преступников. Дальше все должно быть хорошо.

– Папа, ты уже три раза это говорил. И хорошо еще не было. Мы все еще в космосе. За нами гоняются какие-то отморозки, хотят убить. Мне будет хорошо только в своей кровати на Земле.

– Успокойся. – Отец обнял дочь. – Я сделаю все возможное, чтобы с тобой ничего не случилось. Посмотри, мы все еще живы, хоть нас уже пытались убить шесть раз. Корабль исправен, мы летим к Земле, там нас уже ждут наши друзья.

Ада уткнулась носиком в плечо папы и всхлипнула. Потом через плечо взглянула мне в глаза. В ее глазах была тоска. Мне тоже захотелось ее утешить, приободрить. Но лучше отца я все равно не могу этого сделать. Поэтому я только смущенно улыбнулся ей. Она чуть-чуть улыбнулась в ответ.

А я потопал в медпункт. Это тот самый гробик кибердиагноста, из которого я выпрыгнул. Доска все еще стояла в середине коридора. Провода с датчиками втянуты в недра приборов, хищно поблескивали хитроумные камеры киберхирургов, блестели приборы, светился бактерицидный потолок. Если надо поспать, то посплю лучше здесь. Эта штука быстрее поставит меня на ноги. Сейчас геройство ни к чему, но Ада права. Мы еще в космосе. Случится может всякое, поэтому надо ускоренными темпами приводить себя в форму.

Я выдвинул пульт, набрал диагностическую программу, лег на холодную доску и втянулся в раскрытую пасть машины. Она тут же с лязгом захлопнула прозрачную створку. Вонзила в меня хищные щупальца датчиков, облепила проводами и трубками, повысасывала разные жидкости из тела, погудела, поразмышляла о моем здоровье и выдала длинный список моих болячек и резюме – жить буду, но с трудом и несчастливо, если немедленно не отдамся в ее лапы. Пришлось отдаться.

Еще одна мысль не давала мне покоя. Кибердиагност заявил, что вшитых ампул во мне нет. Я немного медик и был с ним почти согласен. Значит, программа в подсознании. Скверно. Но в любом случае, она спасла мне жизнь. Значит, надо научиться с ней жить и, по возможности, пользоваться.

С этой мыслью я уснул.

* * *

Пробуждение было быстрым и бурным. Ада трясла меня за плечо.

– Просыпайся. Вставай.

Я приоткрыл глаза.

– Что опять случилось?

– Ничего страшного, но мы нашли корабль.

– Какой корабль?

– Там грузовик, терпящий бедствие. Мы приняли сигнал SOS. Если бы не летели по этой траектории, мы ничего не нашли, – затараторила Ада, – он тоже вышел из зоны контроля. У него громадная дыра в боку, наверное, взрыв или столкновение с астероидом. Вставай, Глеб, а если там еще есть живые люди, им надо помочь.

Проклиная все грузовики на свете, я выбрался из своего уютного гробика. Тело было тяжелое и слушалось плохо. Немного постоял, приходя в себя. Голова не болела, но после дикой дозы лекарств, которую я сам себе прописал, все было как в тумане. Соображалось с трудом.

– Сколько я проспал?

– Почти десять часов. Как ты себя чувствуешь?

– Уже почти приемлемо.

Я действительно чувствовал себя намного лучше. Тело не ныло, немного зудела обожженная кожа. Гель высох и темной коркой кое-где слущивался. Неприятно, хочется срочно помыться, да нельзя. Тяжеловато, корабль опять ускоряется, или, скорее всего, тормозит.

Одевшись и протопав в рубку, я по пути заглянул в холодильник и взял пузырек с соком.

В рубке над креслами висело изображение корабля. Это был малый грузовик класса SHAC. За округлую и короткую форму корпуса его называли бегемотом. Сверху и снизу были установлены два спаренных двигателя с крыльями топливных кассет, и сбоку он напоминал самолет. На первый взгляд, корабль был в порядке. Он медленно проворачивался, освещаемый далеким светилом, из темноты выплыла вторая половина корпуса и стало видно, что грузовику сильно досталось. Одно крыло было до половины разрушено, искореженные куски обшивки и каркаса крыла торчали в разные стороны. Прямо посередине толстенького корпуса зияла длинная здоровенная пробоина с загнутыми внутрь краями. Корабль создавал тягостное впечатление. Еще один мертвый грузовик. Сколько их уже плавает в космосе! Холодных, мертвых и забытых.

– Профессор, идентифицировали корабль?
– Частично. На сигналы он не отвечает. Только автоматический маяк издает сигнал бедствия.

– Номер.

– Удар метеорита, или что там было, как раз и снес кусок обшивки вместе с бортовым номером.

– Ваш Малыш может идентифицировать корабль. Он у Вас всезнайка.

«Грузовой корабль класса SHAC – R, модифицированный для перевозки высокорadioактивных материалов. Экипаж – 2 человека. Грузовместимость – до 17 тонн. Усиленная радиационная защита. Два стандартных двигателя 3 MR 0,86 Энерговооруженность при максимальной загрузке позволяет достичь скорости в 435 километров в секунду. Расстояние 35 тысяч километров. Оптическое разрешение системы наблюдения не позволяет идентифицировать номер корабля».

– Странно все это. Профессор, не нравится мне этот корабль.

– Мне тоже. Слишком уж много совпадений.

– Тогда решение одно. Сваливаем побыстрее, по приходе в зону радиосвязи передаем координаты аварийной службе, и пусть они разбираются с летающими призраками. Моя задача – доставить вас поближе к Земле целыми и невредимыми.

– Глеб, – подала голос Ада, – мне тоже страшно, но ты правда сможешь улететь, бросив этот корабль?

Я промолчал. Конечно, мы все прекрасно понимали, что никто никуда не полетит, не обследовав грузовик. Если есть хоть малейший шанс спасти пилотов, им надо воспользоваться.

– Профессор, когда мы уравнием скорость?

– Три с половиной часа. Теперь нам приходится экономить топливо.

– Малыш, дай всю информацию по кораблям этого типа. Сколько и когда их пропадало.

– На отображение всей информации потребуется много времени, задавай вопросы конкретнее. Всего кораблей класса SHAC было выпущено шестьсот восемнадцать единиц, из них переоборудованных для перевозки высокорadioактивных материалов – сорок. На сегодняшний день в эксплуатации находится восемнадцать, остальные по разным причинам выведены из строя. Пропавших по неизвестным причинам – два. Один с бортовым номером 348003 – при пересечении орбиты Марса, второй – 348211 – в момент аварийного торможения непосредственно в поясе астероидов. Причем вектор движения у них обоих был направлен в противоположную сторону. Вероятность того, что это один из пропавших кораблей, близок к нулю.

– Малыш, дай характеристики орбиты этого корабля.

В пространстве рубки вспыхнула схема участка Системы с реперными точками. Ярко-красной линией прочертился курс терпящего бедствие грузовика. Он начинался где-то в южном полушарии плоскости эклиптики и под острым углом уходил на «север».

– Так откуда же он стартовал? Профессор, какие соображения?

– Откуда угодно. Последние трое суток мы с Малышом не отслеживали оперативную информацию, может быть, пропал еще один грузовик. Сейчас его скорость – триста семьдесят восемь километров в секунду относительно Земли. Во время активной фазы маршрута достаточно небольшого столкновения, для того чтобы изменить вектор тяги и улететь к черту на кулички. Во время пассивной фазы курс изменить практически невозможно. Судя по тому, что в инфракрасном диапазоне корабль практически молчит, двигатели не работают уже давно. Отсюда вывод. Предположительно, корабль стартовал из пояса астероидов с грузом, во время активной фазы произошла авария. Был изменен курс. Экипаж был не в состоянии отключить двигатели из-за неполадок оборудования или гибели. Двигатели выработали запас топлива или программу разгона и отключились. Корабль вышел из зоны радиоконтроля, не сумев подать сигнал бедствия в штатном режиме. В настоящий момент корабль обречен. С такой скоро-

стью он покинет пределы Солнечной Системы, гарантированно не встретив на пути ни одного искусственного сооружения.

Я оглянулся на Аду. Она сидела в заднем кресле, сжавшись в комочек, и широко открытыми глазами наблюдала, как мы решаем судьбу неизвестного корабля. Было видно, что ей очень страшно. Я ее прекрасно понимал. Страшно и за себя, за такую маленькую, одну в громадном, пустом, мертвом и равнодушном пространстве. За тонкой оболочкой корабля мертвый вакуум, который не оставит ни единого шанса, если ты окажешься слабее его. Восемь сантиметров наружной обшивки не спасут от более-менее крупного обломка. Те, кто живут в космосе, уже привыкли, смирились с призрачной скорлупкой жизни или не выдержали и ушли в самом начале пути. Но это профессионалы, люди, отдавшие себя целиком космосу; те, которые всегда на передовой и не видят для себя другой жизни. Но еще страшнее за пилотов мертвого корабля. Для них катастрофа уже произошла. Вскрытый консервным ножом, неуправляемый мертвый корпус сейчас является либо последним затухающим шансом жизни, либо готовой усыпальницей. И не знаешь, что лучше: то ли сразу открыть шлем скафандра, то ли тянуть до последнего, до боли экономя последние глотки воды и кислорода в сумрачной надежде: а вдруг поймут сигнал, а вдруг заметят, а поймут вытащат? Понятно, что вне плоскости эклиптики эти шансы равны одной миллиардной и постоянно уменьшаются, но ведь шансы есть.

Надо было немножко приободрить девочку.

– Не бойся, сейчас мы подойдем поближе и аккуратненько посмотрим, что за ящик там летает. Если он стартовал недавно, то есть шанс, что пилотов вытащим. А засады не бойся, какой же дурак пойдет на верную смерть, даже ради такой красавицы, как ты.

Ада фыркнула и отвернулась. Улыбнуться я ее не заставил, но, скорее всего, ей полегчало.

– Я не боюсь. В Воронеже, в военном госпитале лежит дядя Сергей, друг моего папы. Харимов Сергей Иванович. Полковник ВКС. Почти три года назад он был командиром базы, кажется, тоже радиолокационной разведки, в поясе астероидов. Когда он перелетал с одной базы на другую, произошла авария, взорвалось что-то из перевозимого оборудования. Даже в плоскости, в обитаемой зоне, их разыскали и сняли с корабля только через семнадцать суток. В живых осталось только двое. До госпиталя довели его одного. – Ада запнулась, закусил губу и стала разглядывать звезды за иллюминатором. – Я постоянно навещала его. Он всегда веселый, рассказывает всякие истории, только с кровати встать уже не может. – Она еще помолчала. – Я боюсь, что туда мы можем не успеть.

Да, оказывается, не все так просто. Ладно. Если это шанс, надо его использовать, а там видно будет. От судьбы не уйдешь. И только старуха с косою знает, где будет твой конец. Жаль, только, что «Аргумент» пустой.

– Малыш, какова температура корпуса грузовика?

«Ориентировочно шестьдесят два градуса. За последние тридцать минут поднялась на градус».

– Это значит, что внутри осталось работающее оборудование и неисправна система терморегуляции. К моменту уравнивания скоростей там будет под семьдесят. Сауна. Но еще не смертельно.

Профессор, не обращая ни на кого внимания, опять колдовал над прозрачным ЭИ-пультом, весь окутавшись графиками, диаграммами и столбиками цифр. Наконец он поднял голову и посмотрел сначала на Аду, потом перевел взгляд на меня.

– Знаешь, Глеб, а ведь не сходится.

– Что не сходится?

– Мне Малыш доказывает, что, исходя из механики траекторий, не может этот грузовик здесь оказаться просто так. Ему здорово помогли.

Я весь напрягся.

– А можно поподробнее?

– Можно. Малыш, дай диаграмму расчетного курса и модель аварии.

В пространстве опять зазмеились разноцветные линии.

– Вот смотри, курс корабля – сильно вытянутая гипербола. При такой скорости и расстоянии от массивных небесных объектов на данном участке – почти прямая. И самое интересное, что она начинается не в поясе астероидов, где находятся перевалочные базы и склада запасов радиоизотопов, а практически в пустом месте пространства. – Он показал рукой синюю область на траектории. – Это зона активной фазы разгона. Где-то здесь произошло столкновение, которое изменило курс. Зеленая область – зона свободного доаварийного маневрирования. А теперь посмотри внимательно – этот корабль не вылетал из пояса астероидов. Зоны даже не перекрываются. Если столкновение произошло в самом начале разгона, только тогда он мог набрать имеющуюся скорость и двигаться нынешним курсом, но тогда вектор тяги упирался бы в точку старта с небольшими отклонениями. А он упирается в пустое пространство.

Я внимательно присмотрелся к схеме.

– А если предположить, что он не разогнался, а наоборот, только приступил к торможению, двигаясь с внешней стороны пояса?

– Не получается, тогда ему тоже неоткуда лететь. Юпитер и оба облака Орта сейчас смещены почти на шестьдесят градусов от его расчетного курса. Как ни крути, это простой грузовик, а не межзвездный корабль. Тем более посмотри внимательно.

В пространстве рубки опять появилось изображение грузовика, уже гораздо более четкое, чем раньше. Только сейчас изображение было развернуто на сто восемьдесят градусов.

– Он вращается во всех трех плоскостях. Это больше похоже на удар во время свободного полета. Но самое главное, обрати внимание на крылья.

Я обратил внимание. Крупный метеорит, или что там было, разрушил одно из крыльев топливных кассет, затем протаранил корпус грузовика, оставив громадную рваную пробоину с загнутыми внутрь краями. Но, скорее всего, это был не метеорит. Характер повреждений говорил о том, что столкновение произошло с крупным предметом, имеющим очень малую относительную скорость. Никаких взрывов, никаких сквозных пробоин. Рваная обшивка, торчащие фермы кассет, аккуратное искореженное железо.

Свои замечания я и высказал Профессору.

– Хорошо, но есть еще один нюанс. Крыло повреждено, фермы и направляющие деформированы. Синхронизация подачи топлива нарушена. По оценке Малыша, а я склонен ему верить, топливные кассеты были израсходованы симметрично в обоих крыльях на шестьдесят пять – семьдесят процентов. Другими словами, у него не было топлива, чтобы развить такую скорость.

– Стало быть, все-таки ловушка. Ему помогли разогнаться и встретиться с нами в этом месте.

– Через пару часов узнаем точно, а пока можно перекусить.

– Ада, девочка моя, принеси-ка нам чего-нибудь пожевать.

Ада умчалась куда-то вглубь коридора. Профессор пристально посмотрел на меня.

– Как самочувствие, герой?

– Ничего, приемлемо, хотя бывали времена и получше.

– Будем надеяться, что больше неприятностей не будет.

У меня почему-то возникло чувство, что будут и еще как будут. Видимо, профессор подумал о том же, поэтому отвернулся обратно к пульту.

Вдруг в пространстве вновь вспыхнули слова:

«Зло порождает и приумножает зло. Кроме того, оно имеет свойство возвращаться, поэтому одной лишь силой зла не остановишь. Непротивление злу насилем также беспо-

лезно, но, привнося добро в самую природу зла, растворяя его изнутри, избавляя от движущих сил – встречной ненависти и безнаказанности, его со временем возможно победить совсем.

Али Апишерони».

– Малыш, что ты имеешь в виду?

Малыш промолчал, ответил профессор.

– Глеб, Малыш – это не разумное существо. Это всего-навсего компьютер, с огромной памятью, высоким быстродействием, оригинальными алгоритмами обработки данных, это самообучающаяся система. Он может анализировать обстановку и принимать решения в зависимости от складывающейся ситуации, но он не может мыслить как человек. Тебя вводят в заблуждение его человеческие высказывания, но это просто одна из моделей общения. У него в памяти миллионы высказываний, и в зависимости от ситуации он подставляет одно из них на основе какой-нибудь модели. Чаще всего моей. Я когда-то пытался заставить компьютер мыслить, но Франкенштейна так и не создал. Малыш ближе всех, но все равно это только имитация, суррогат мышления.

– Но все равно он что-то имел в виду.

«С точки зрения человеческой морали, большинство насильственных действий против вас являются злом. Но большинство философов древности, которым вы доверяете, утверждают, что ответное насилие – это не самый лучший метод борьбы со злом. В настоящий момент вы пытаетесь решить дилемму относительно найденного корабля. По анализу вероятностных причин появления корабля: возможность засады противника составляет 82%, вероятность катастрофы – 18%. В данном случае стыковка с кораблем крайне нежелательна. Но основополагающим фактором принятия решения будут этические принципы вашего поведения. Нападение из разрушенного корабля будет актом зла, но и игнорирование вами грузовика тоже будет актом зла, причем последнее, возможно, более разрушительно по последствиям для вашего дальнейшего психологического состояния».

– Вот так! Профессор, а ведь Ваш Малыш умен.

– Я говорил, что он не обладает разумом, но я никогда не говорил, что он дурак.

«Если хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и перестань говорить, когда нечего больше сказать. (Толстой Л.Н.)»

– Но иногда он становится назойливым. Кстати, можешь последовать этому совету.

Как раз в это время Ада принесла бутерброды и прозрачные пузыри с соком, и наша беседа сменилась коротким обедом. Или ужином – к этому моменту я уже потерялся во времени.

* * *

Через два часа на расстоянии в восемьсот километров корабль был уже виден в бортовую оптику без компьютерного моделирования. Внешне ничего не изменилось, за исключением того, что температура обшивки была также шестьдесят два градуса. Сигнал бедствия так же монотонно звучал на аварийной волне и еще в широкой полосе частот. Ни на одно сообщение корабль не отзывался. Скорость сближения составляла уже меньше ста метров в секунду и продолжала снижаться. На экране в реальном режиме можно было рассмотреть повреждения корабля. Бортовое освещение, габаритные огни не работали, иллюминаторы напоминали черные проваленные глазницы на гладком блестящем корпусе. Даже отблеска работающих приборов не было видно.

– Профессор, мы не сможем пристыковаться, не повредив корабль, он кувыркается во всех плоскостях.

– А никто и не собирается стыковаться. У нас задача – проверить, есть ли на борту живые члены экипажа, забрать живых или мертвых, снять бортовой журнал и лететь дальше. А для этого даже не надо самому идти на корабль. У меня на «Алголе» есть автоматические камеры с автономными двигателями. Кроме этого, два ремонтных робота. Этого вполне достаточно для того, чтобы вскрыть корпус и обследовать корабль. Предельная дальность работы оборудования – до двухсот километров, но нам придется подойти поближе, километров до пятидесяти, для точной корректировки работ.

– Папочка, ты уверен, что это безопасно?

– Конечно, не волнуйся, мы будем далеко, в случае опасности всегда сможем уйти. С нашими двигателями этот грузовик нас догнать не в состоянии. Даже старт ракеты на этом расстоянии не опасен. У нас тоже есть оружие.

Ада уже приободрилась и с интересом рассматривала пузатое тело грузовика, покрытый блестящей антирадиационной броней грузовой отсек, нашла рубку командной рубки. Бортовой номер действительно был снесен ударом и не читался.

– А знаете, мальчики, он больше похож на майского жука.

– Да, что-то похожее есть. Ладно, пора приниматься за работу. Расстояние уже меньше трех сотен. Расконсервируем оборудование – и на разведку. Глеб, помоги мне.

Мы прошли по коридору в самый конец корабля, залезли в грузовой отсек, где, привинченное к стеллажам, хранилось самое разнообразное оборудование. Некоторые приборы и приспособления я видел впервые в жизни. Ремонтные роботы покоились на своих кронштейнах вверх ногами к «полу» отсека в самом дальнем углу. Эта конструкция была мне хорошо знакома: «Паук»; на базе частенько пользовались ими для ремонта оборудования на поверхности астероида, если не было необходимости присутствия человека. Восемь манипуляторов позволяли закрепиться практически на любой поверхности, емкие криогенные аккумуляторы, мощный компьютер и большой набор оборудования делали их незаменимыми помощниками, если не хотелось куда-либо лезть лично.

Я снял робота со стены, раскрепил манипуляторы и перевел его в рабочее положение, включил питание, зарядка аккумулятора – почти максимум, температура криогенной системы в пределах нормы, все индикаторы горят ровным зеленым светом. Я запустил систему и дождался конца процедуры самотестирования. «Паук» приподнялся на четыре нижние конечности и замер, мне показалось, вопросительно взглянув на меня.

– Готово, – крикнул я профессору.

– Хорошо, у меня тоже все в порядке. Сейчас подключу их к центральному компьютеру, проверим управление, и можно выпускать.

Профессор принес две камеры немыслимой конструкции, все целиком состоящие из трубок, кронштейнов и круглых емкостей, прикрепил их к манипуляторам «Паука». Теперь наш ремонтный робот мог самостоятельно передвигаться в пространстве.

Больше в отсеке делать было нечего. Я огляделся, и тут мое внимание привлек знакомый восьмиугольный контейнер. С такими я уже неоднократно сталкивался на базе. Я подошел, раскрутил барашки защелок, снял защелки и поднял крышку. Так и есть – 3CLV6 – элемент лазерной батареи. У меня на базе они спарены по шесть штук, а здесь одна. Но и ее с успехом можно использовать. Правда, энергии жрет, как голодная свинья, и непонятно, зачем она валяется здесь, а не установлена в турели. Сейчас бы эта штучка нам ой как пригодилась!

В рубке уже светился дополнительный экран у левой стенки, на котором отображался диафрагменный люк внешнего шлюза – передача шла с камер «Паука». Робот пошевелил лапами, и изображение дрогнуло и заколыхалось.

– Неплохо было бы его швырнуть в направлении цели, поберег бы топливо. Но все равно его на обратный путь не хватит, придется двигаться на корабле, чтобы забрать робота.

– Но Вы же говорили, что радиус действия до двухсот километров.

– Да, у камер, но они тащат работа, а это почти сто килограммов. Так что обратно им работа не притащить. Хватило бы топлива на маневр у корабля.

– Может, захватить запас топлива?

– «Паук» не сможет перезарядить баллоны.

– Сможет.

Профессор с сомнением посмотрел на меня.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, я сам проделывал подобное. У нас «Пауки» использовались на базе, постоянно меняли растяжки антенн. А иногда и сами антенны ремонтировали. Поменять с помощью работа фрагмент антенны – высший пилотаж, у нас даже соревнования проводились.

– И ставки делались?

– Бывало, но я не участвовал. Мне больше нравилось управлять роботом.

– А что самое сложное, знаешь?

– Знаю: найти потерянную гайку.

Мы оба улыбнулись.

– Ладно, тогда садись к пульту, возвращай роботов, я буду в грузовом отсеке, навешу еще топлива.

Через десять минут в обзорном экране передо мной распахнулся космос. Камеры по команде центрального компьютера развернулись и понеслись в пространство. Корабль выглядел даже при максимальном увеличении маленьким светлым пятнышком.

– Глеб, – подала голос Ада, а почему здесь не видно корабля?

– Это не те камеры, у них характеристики похуже, чем у оптической системы «Алгола», да еще это чистая оптика, без моделирования.

– Понятно. А сколько им еще лететь?

– С полчаса.

– Точнее, тридцать шесть минут. Я приторможу на подходе к кораблю, сделаем несколько крупных планов.

Медленно потянулись минуты. За эти тридцать минут Ада дважды сбегала за соком, на третий раз наотрез отказалась, заявив, что, если кого мучает жажда, может сходить и сам.

Наконец, двигатели камер отработали маневр торможения, и мы увидели прямо перед собой блестящий корпус грузовика. Несколькими вспышками двигателей фокус камер сместился и замер в центре корабля. Дальше управление камерами взял на себя я, перемещая манипуляторы робота. Пока у корабля было все спокойно. Он медленно, словно нехотя, проворачивался перед камерой, позволяя рассмотреть себя во всех подробностях. Когда подошел поврежденный участок, робот продвинулся вперед и закрепился на корпусе. Я медленно провёл «Паука» в глубь рваной дыры. Камеры показали глухую черноту провала.

– Включи прожекторы.

Яркие лучи разорвали тьму и высветили рваные клочья композитной обшивки, загнутые листы алюминия и титана. За дырой проходил коридор в задние отсеки корабля. Сейчас там царил вакуум. Самое скверное, что шлюз, как и на «Алголе», находился в задней части, на геометрической оси корабля, и сейчас был, скорее всего, бесполезен. А между коридором и рубкой не было промежуточного помещения, которое можно было использовать как шлюз.

Я провёл робота в коридоре до мембраны командной рубки. Она была не повреждена. Постучал манипулятором в стену. Если мне и постучали в ответ, я этого не услышал. Как-никак полный вакуум. Тем более, что камеры без аудиоканала. Залатать пробоину нереально. А прорезать мембрану не хотелось, вдруг там еще осталась атмосфера.

– Загляни в иллюминатор, может, чего-нибудь увидим.

Я провёл робота по обшивке до носового иллюминатора, он приник его «глазами» к выпуклому стеклу. Полный ноль. Затемненное стекло не пропускало ни одного лучика света.

– Какие варианты, Профессор?

– Вариантов не так много. В любом случае, надо проникнуть внутрь. Возвращайся к шлюзу, попытаемся зайти через главный вход.

Я развернул «Паука» и дал команду двигаться в хвостовую часть корабля. На экране появилась гладкая поверхность обшивки. Здесь роботу не за что было уцепиться.

– Профессор, робот ползти здесь не сможет, надо перелететь.

– Хорошо.

Камеры отделились от корпуса, и в этот момент я заметил какое-то движение в затемненном иллюминаторе. Я развернул камеры робота обратно, но ничего не изменилось.

– Возле переходного шлюза есть технологические разъемы, надо подключить канал передачи данных и получить хотя бы косвенную информацию.

Но продолжить исследования нам не дали. Внезапно освещение на мгновение пропало, экраны потемнели и отключились, индикаторы погасли. Я пощелкал переключателями – ничего не изменилось. Робот не отвечал. Я отвернулся к Профессору и увидел, что он с победившим лицом держится за сердце.

– Профессор, что случилось?

– Папа! – Вскрикнула Ада, бросаясь к Профессору. – Папочка, что с тобой?

– Успокойтесь, сейчас пройдет.

– Его надо в медотсек. Глеб, быстрее.

На глазах Ады появились слезы.

– Не надо! Уже поздно. Я последний дурак. Это был ЭМИ. Вся электроника накрылась. Глеб, запусти резервную систему и уводи корабль.

– Профессор, я не умею. Вы лучше справитесь.

Профессор на мгновение прикрыл глаза. Ответила Ада.

– У него больное сердце, там электронный имплант. – Она всхлипнула, – Папа, что нам сделать. Как помочь?

В ее глазах стояли слезы, руки дрожали. Маленький уютный мирок разваливался на глазах.

– Эту штуку вы сами не меняете. Сердце протянет еще несколько минут. Глеб, помоги мне. Ада, принеси стимулятор, он в каюте, ты знаешь.

Я взял его за корпус тела и поместил в кресло. Он пощелкал тумблерами. Все пульта молчали.

– Глеб, быстро выключи главные силовые рубильники и через пять секунд включи в том же порядке. Должна запуститься резервная система.

Он захрипел, схватившись за сердце. Прилетела Ада, она не успела затормозить в невесомости и сильно ударилась плечом о кресло, но, видимо, даже не почувствовала это. В руках у нее был пистолет-инъектор. Она расстегнула комбинезон, прижала его к сердцу отца и нажала на спуск. Профессор открыл глаза. Дыхание немного выровнялось. Ада взяла его руки в свои.

– Папочка, пожалуйста, не умирай.

Он с трудом улыбнулся.

– Не переживай, все будет хорошо.

Я не стал на это смотреть и быстрее понесся в шлюзовой отсек перезагружать корабль. Одним движением выключив все переключатели сразу, рассудив, что сейчас это не имеет значения. Наступила полная темнота, и остался слышен лишь постепенно затухающий вой аппаратуры. Потом досчитал до пяти и снизу вверх отщелкал их обратно. Загорелось красное аварийное освещение. Начали появляться звуки. Но явно не все.

В рубке Профессор сидел в кресле перед пустыми и мертвыми экранами, Ада разместилась рядом, держа его за плечо и, видимо, боясь отпустить. ЭИ пульта и мониторы молчали.

– Глеб, подойди сюда.

Голос его был слаб. В глазах написано страдание. В красном освещении лицо напоминало мертвую маску. За эти несколько минут он по старел лет на двадцать.

Я подплыл ближе.

– Как Вы?

– Не задавай ненужные вопросы, у меня сейчас мало времени. Очень внимательно слушай.

Он несколько секунд помолчал.

– Дальше вам придется добираться самим. Через семнадцать минут запустится система навигации и ориентирования, еще через двенадцать – контроль двигателей. Допуск в систему – две тройки, три семерки. Уходи на максимальном ускорении все равно куда, в течение получаса, потом сориентируешься и иди к Земле, на станцию Интел. Найдешь Альберта Закса. Он ждет меня. Отдашь ему это.

Он снял с руки часы, с трудом оторвав браслет от запястья. У руки стали скапливаться капельки крови.

– Это Малыш. Тот самый компьютер. Теперь самое главное. Он должен быть постоянно на руке. Энергию для работы он получает из твоей крови, он симбионт. Кроме того, он подключается к нервным окончаниям – первый уровень двусторонней связи. Второй и третий – полевые. Всю необходимую информацию он даст тебе сам. Я отдаю его тебе, так как Аду он может убить, у нее тоже плохое сердце.

Он посмотрел на дочь.

– Прости меня, девочка, что оставляю тебя сейчас. Прости, что втянул в эту историю.

– Глеб, я знаю, тебя не надо просить. Но все равно. Позаботься об Аде. Она у меня одна.

Ада смотрела на отца с окаменевшим лицом, только влага скапливалась в уголках глаз, и она рукавом стирала ее, размазывая по лицу косметику.

– Все, что у меня есть, теперь ваше. Через сутки Малыш настроится на тебя и поможет, а пока выбирайтесь сами.

– Я все сделаю, Александр Сергеевич. Все, что будет в моих силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.